

Евгений Костюков

**Угаснут
Солнца,
потухнет
и Луна**

ЕВГЕНИЙ КОСТЮКОВ

Угаснут Солнца, потухнет и Луна

«Издательские решения»

Костюков Е. А.

Угаснут Солнца, потухнет и Луна / Е. А. Костюков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837825-6

Кто-нибудь хоть раз в жизни задумывался, почему некогда добродушный смешной карапуз стал чёрствым, неприветливым или даже жестоким человеком? Куда уходит с годами доброта? Почему взрослые люди так мало улыбаются? Что с этим делать? Для кого-то причина кроется в недостатке материальных ценностей. Кто-то скажет, что во всём виноваты пришельцы или вспышки на солнце. Может быть, они в чём-то правы. Не знаю. Могу говорить лишь за себя. Я нашёл ответ, и с вашего позволения хотел бы им поделиться.

ISBN 978-5-44-837825-6

© Костюков Е. А.
© Издательские решения

Угаснут Солнца, потухнет и Луна

Евгений Костюков

© Евгений Костюков, 2017

ISBN 978-5-4483-7825-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Меня зовут Седрик Себастьян Санчес, и я пришёл помочь». Примерно так в детстве я мечтал представляться людям при первом знакомстве. Ребяческие мечты у меня были не такими как у сверстников, и благодаря этому обстоятельству я ходил чрезвычайно гордый самим собой. Я не мечтал стать полицейским, пожарным, космонавтом, или ещё каким-то другим «приземлённым супергероем», какими выглядели мужчины подобных профессий. Я мечтал стать сказочно богатым. Но не просто наслаждаться жизнью, и жить в роскоши, нет. Я мечтал помогать обездоленным людям, и нести счастье нуждающимся. Не забывал я подумать и про «братьев наших меньших», которые так же испытывали множество трудностей.

Подобные мысли поселились у меня в голове в самом раннем возрасте, и естественно были обращены не на пустом месте, а имели «плодородную» почву под собой. И я поставил перед собой чёткую цель, к которой начал медленное движение. Я планировал основать мега корпорацию, которая будет спонсировать благотворительные акции, и бороться с болезнями среди нищего населения. К сожалению, а может быть, к счастью, в действительности всё произошло несколько иначе. Но обо всё по порядку. И начну, пожалуй, как раз с того события, которое и стало семенем добродетели в моей душе.

Вы спросите «Для какой цели, и кому я адресую свою историю?» Всё довольно просто. Пройдя долгий, насыщенный событиями путь между разными полюсами. Узнав множество людей, и побывав в любопытных ситуациях, я познал всего две, но очень важные аксиому: «Достоин помощи лишь тот, кто ближнему, и сам себе спешит помочь» «Погасить солнце может каждый, зажечь тёмную луну – единицы». Соглашусь, кому-то они покажутся странными, возможно, нелепыми. Но как бы они не видоизменялись, суть остаётся той же. Все остальные обстоятельства, и события являют собой лишь переменные, и не более того.

Именно такое послы я бы желал направить всем, кто обратит свой взор на историю человека сидящего в потёртом кресле, с одним глазом, и кружкой горячего молока с мёдом. Насколько соответствующим действительности, и близким окажется послание каждому прочитавшему? Я не знаю. Может быть, кто-то кинет в меня камень при встрече, или наоборот – решит последовать моему примеру. Решать вам, а я уже и так затянул с предисловием. Начинаем.

– Седрик! Седрик, ты оглох? Иди сюда, быстро!

– Ой-ой-ой. По голосу чувствую, сейчас достанется на орехи. – Я рос смышлёным, но очень озорным мальчишкой в крохотном доме с подсобным хозяйством. Дом наш стоял на бедной окраине, такого же бедного городка. В свободное от занятий время, мне не оставалось ничего, кроме как с утра, и до позднего вечера развлекать себя самому. Телевизор нам достался в наследство от деда, которым его наградили за какие-то военные заслуги. Но он показывал всего один канал, который начинал вещание лишь ближе к вечеру. Весь же световой день, я был представлен сам себе. Частенько всё это выливалось в очередную сломанную вещь,

порванную майку, или испачканные шорты. Каждое событие из перечисленных представляло собой маленькую катастрофу для моих родителей, потому, что денег на постоянный ремонт, или покупку одежды попросту не было. Отец работал на заводе по обработке, и переработке древесины, а мать была дояркой на близлежащей ферме, пока её не уволили в связи с кризисом, в которую впало предприятие. Так, что она следила за небольшим хозяйством, и пыталась уследить за мной. Нет, я не был единственным ребёнком, у меня есть старшая сестра. К счастью, она была более спокойной, и усидчивой. Она практически всё время сидела дома, вязала на заказ, и продавала шарфы, шапки, и прочие безделицы. Соответственно если дома что-то случилось, виноватого не приходилось искать долго.

– Седрик! Моё терпение не резиновое!

– Я ни в чём не виноват. Я сидел, и ничего не трогал. – Мама стояла у курятника, оперев руки в бока. Это не сулило мне ничего хорошего, и я занял круговую оборону.

– Ты за хлебом ходил?

– Да, я.

– Калитку открывал?

– Конечно. Зачем лезть через забор, если есть калитка?

– И говоришь, что не виноват? А калитку я закрывать должна? Вот иди теперь, и ищи Филс. Ей уже рожать скоро, поди место искать побежала. И смотри, случиться с ней чего, я тебя высеку как никогда раньше!

Без лишних слов, я схватил яблоко, и сиганул на улицу. И всё же я был действительно виноват. Я забыл закрыть калитку, и любимица нашей семьи, смесь спаниеля, и дворняжки, сбежала. Далеко она уйти не могла, огромный живот с кучей щенят явно бы помешал. Поэтому я не торопясь шёл по тротуару, и грыз наполовину зелёное яблоко. Денёк был погожий, и в глубине души я был даже рад, что удалось вырваться из дома, иначе мне бы быстро нашли применение по хозяйству.

За пару часов я обошёл ближайшие дворы, поспрашивал соседей, но никто не видел нашу собаку. Лишь в нескольких кварталах, продавец овощей сказал, что видел подходящую под описание собаку. По его словам Филс побежала в сторону огороженной забором строительной площадки. Я лениво побрёл в указанную сторону. Солнце припекало, и все эти поиски меня порядком утомили. За Филс я не волновался, она и раньше периодически уходила со двора, но всегда возвращалась. Именно после одной из таких прогулок, наша любимица начала активно набирать вес. Но сейчас была иная ситуация. И если окот произойдёт не в подготовленном мамой месте – сидеть я не смогу дня три точно. Поэтому мне нужно было собраться с силами, и вернуть собаку домой.

– Уйди с дороги, пока тебе не досталось. Не хочешь? Тогда получай!

– Ай... Бей его... Что же вы делаете... Сам виноват, влез... Палкой бей....

Стоило мне подойти ближе, как из-за забора строительной площадки послышался шум, крики, визг. Что-то явно нехорошее там происходило. Нутро подсказывало мне, что нельзя проходить мимо, и нужно вмешаться. От тринадцатилетнего мальчишки вряд ли что-то зависело, но меня это в тот момент не волновало. Я метнулся к щели между металлическими листами. Оказало, не зря. Пред моими глазами открылась страшная картина: несколько ребят постарше, нещадно били парнишку, лежащего на полу. И, мама дорогая, этот бедняга своим телом прикрывал мою истошно визжащую собаку. Не раздумывая ни секунды, я схватил первое, что попало под руку, и с диким воплем бросился на нападавших. Сказать, что они были удивлены, ничего не сказать. Скорее от неожиданности, нежели от моего забавного вида несущегося с криком и поленом наперевес, подлецы бросились в разные стороны. Я уже было собрался праздновать победу без боя, и вытаскивать отсюда спасителя вместе с собакой, как вдруг, к моему большому сожалению, хулиганы опомнились.

– А ну держите его. Сейчас мы научим тебя не влезать не в своё дело.

– Попробуйте! – я грозно размахнулся палкой, и показал всю серьёзность настроя.

Били меня долго. Само собой справиться с численным перевесом противников, которые ещё и физически были крепче... Мягко говоря, было сложно, и даже две дубины мне бы не помогли. К счастью, на крики, и шум прибежал полицейский, который и спугнул злых подростков. Что любопытно улица кишела народом, но никто и не подумал заглянуть за забор, и выяснить происхождение криков.

Полицейский бегло осмотрел нас, и решил, что будет лучше отвезти нас в больницу. Я наотрез отказался оставлять свою испуганную, и видимо ушибленную собаку. Всё решилось быстро. Полицейский попался добросердечным. Он позвонил из расположенной рядом булочной по названному мной номеру телефона.

Такие слова я от мамы услышал впервые в жизни, когда она вся перепачканная мукой, и в домашней одежде, прибежала нам с Филс на выручку. Естественно мне не удалось сойти за жертву нападения, и избежать маминых упрёков в том, что я такой бестолковый, всегда попадаю в неприятности. В чём-то я, безусловно, был с ней согласен.

От рукоприкладства меня спас полицейский, который объяснил ей, что мне нужно на осмотр к доктору. Он клятвенно пообещал присмотреть за мной, и попросил её забрать бедное животное домой. Нехотя, но маме пришлось согласиться с ним. Таким образом, через час я оказался в больничной палате, на соседних койках со спасителем Филс.

– Спасибо, что спаси мою собаку. Мама бы не пережила, если бы с ней что-то случилось. – Попытался я начать разговор. Мне было очень стыдно, что, хоть и косвенно, но из-за меня пострадал невинный человек.

– Ничего бы ни с кем не случилось, если бы кто-то был более ответственным. – Лишь буркнул в ответ не настроенный на разговор мальчик.

– Извини. Я не хотел никому вреда причинить. Бываю немного рассеянным, вот и забыл калитку закрыть. Как тебя зовут?

– Какая тебе разница? – окончательно отвернулся к стенке незнакомец, и затих.

Больше приставать с вопросами я не спешил. Ещё с малых лет я знал, что если мама чем-то занята, лучше её не донимать, иначе хуже будет. И когда она освобождалась, сама обращалась ко мне.

– Гастон.

– Что, прости?

– Меня зовут, Гастон Веласкес.

– Меня, Седрик Санчес. Рад знакомству с тобой.

– Ты, правда, не виноват в том, что собака убежала? Ты её любишь?

– Конечно, Гастон. Я очень люблю Филс, тем более, что у неё скоро будут щенки.

– Хорошо. Тогда я не буду злиться на тебя.

– Ещё раз, спасибо, что не бросил её.

– Я бы не смог... Я всегда помогаю животным, ведь они сами редко могут помочь себе.

– Да, ты прав. А кто эти хулиганы?

– Это банда Хулио. Они известны на всю округу своими проделками. Я увидел, как они пошли за забор вслед за собакой, и понял, что добра от этого можно не ждать. Побежал за ними, и успел вовремя. Они выстроились кругом, и хотели забить её палками, и камнями. Я пытался помешать, но они начали бить и меня... Если они такие злые люди сейчас, страшно представить, что будет дальше.

– Ты настоящий герой!

– Герой? Ха-ха-ха. Скажешь тоже. Герой тот, кого бояться. Полицейский, например, герой. Его только увидели эти ребята, сразу разбежались.

– Тут я не согласен, Гастон. Полицейский это работа. Он деньги за это получает. А герой, это тот, кто делает добрые дела просто так, без оплаты.

– Может быть, ты и прав Седрик. – Глубоко призадумался Гастон, и снова замолчал.

В больнице нас продержали два дня. За это время мы успели хорошо познакомиться с Гастоном. Оказалось, что у нас довольно много общего: почти нет друзей, бедные семьи, и в целом весёлый характер. Мы сдружились, и после выписки, я пригласил Гастона к себе домой, чтобы познакомить с мамой человека, который спас Филс. Несмотря на бедненькую одежду, порванные кеды, и длинные волосы, Гастон сразу же покорила мою маму. Он был вежлив, учтив, и ознакомлен с базовыми знаниями этикета. К тому же учился он явно лучше меня. Одобрение на дружбу с ним я получил без раздумий.

Мы много беседовали с Гастоном во время ежедневных прогулок. Именно он первым высказался о мечте стать богатым, и заняться благотворительностью. Но он больше хотел помогать бездомным животным, чем людям. Его мнение было легко объяснимо, ведь ни одно животное ради удовольствия не будет бить другое. Я не совсем разделял точку его зрения, но в целом идеей загорелся. Я хотел помогать всем и вся. Оставалась главная, и сложно решаемая задача – как разбогатеть? Мы часами продумывали варианты. В наши юные головы приходили самые невероятные идеи, которые воплотить в жизнь вряд ли представлялось возможным. Тем не менее, мы не останавливались, и продолжали думать. Чтобы было больше времени на раздумья, и обсуждения планов на будущее, я уговорил маму перевести меня в класс к Гастону. Мы были одноклассники, и после недолгих препирательств, всё было решено. Упростило задачу личное знакомство моей мамы, с мамой моего друга. Севилья Веласкес была очень располагающая к себе, и к тому же до безумия порядочной. Она так же стала частой гостей в нашем доме. К сожалению, отца Гастон не знал, так как он бросил его мать, когда Гастон ещё был на стадии зародыша. В общем, наши семьи сблизилась окончательно. Больше всего это радовало мою маму, ведь я стал гораздо реже попадать в неприятные истории. Я тоже был рад обрести, верного и надёжного друга.

Свои планы мы начали осуществлять с малого: чтобы купить корм бездомным собакам, мы за гроши вкалывали на чужих огородах. Помогали что-то перенести, покрасить, починить. Благо руки были заточены к домашним делам. Удавалось зарабатывать не много, но достаточно, чтобы кормить животных со всей округи. Люди нас хвалили. Но далеко не все. Многие, особенно склочные личности, постоянно брюзжали «псины всё вокруг загадили» или «кошатиной так несёт, что нос закладывает». Возможно, они и были в чём-то правы, но мы, начав свою деятельность, уже не могли остановиться. Вошли во вкус, так сказать. Да и фраза «мы в ответе за тех, кого приручили», была для нас не пустым набором букв. Постепенно мы «наращивали обороты», и со временем к уходу за животными добавили помощь неимущим людям. Мы и сами не были богаты, но могли себе позволить купить пару мешков муки, сахара, или чего-то подобного для приюта, или накормить людей на городской свалке. Всё шло не плохо, нас даже стали узнавать на улицах. Благодарить, и жать руки. Но как оказалось, не все были довольны нашими благими делами. Городская администрация не оценила наших стараний. Причина крылась в государственных средствах, получаемых на поддержку малоимущих. Простой народ начал задавать слишком много вопросов «почему школьники помогают больше мэрии?», «куда деваются выделенные средства?». Вопросы были справедливые, и наболевшие, от того у официальных лиц иссякли правдоподобные ответы, и они пошли другим путём. Однажды к нам домой пришли люди в костюмах, и «вежливо» попросили мою маму, чтобы она пресекла наши «антисоциальные действия, и поощрение бродяжничества». В противном случае к нам обещали принять соответствующие меры. Что они под этим подразумевали не совсем ясно, но когда мы пришли домой, мама была очень напугана. Она всячески пыталась нас уговорить успокоиться, и не провоцировать людей у власти. Естественно мы её не послушали, и даже набрали обороты. Чего уж лукавить, мы были наивными подростками, одурманенными юношеским максимализмом. Расплата не заставила себя долго ждать. Не прошло и недели, как по вине «неисправной электропроводки» вспыхнули наши дома. Это был крах. Мы сами

перешли черту, и спустились с низшего среднего класса, в разряд бездомных. Обида, злость, жажда расплаты. ... Примерно такую радугу эмоций мы испытывали, но были бессильны. Оставаться в этом городе не осталось ни смысла, ни желания. К тому моменту мы окончили школу, и могли спокойно посвятить себя работе. О дальнейшем обучении не могло быть и речи, так как денег едва хватало на аренду лачуги, и еду. Моя мама, и мама Гастона занимались крохотным хозяйством, работал лишь отец. После долгих уговоров наши с Гастоном семьи позволили нам отправиться на заработки в крупный город.

Первые впечатления после переезда были непередаваемы. Стеклянные гиганты, множество автомобилей, люди в деловых костюмах. Для нас многое было в диковинку, и мы, разинув рты всё рассматривали. Омрачало ситуацию то, что мы первые дни ночевали, где придётся: вокзалы, скверы, автобусные остановки. Для нас это не имело особенного значения. Главное мы не голодали – спасала крохотная сумма денег, выделенная отцом на первое время. Хлеб с молоком был достаточно плотным перекусом. Но деньги постепенно заканчивались, и необходимо было уже что-то предпринимать. Возвращаться домой с позором мы не спешили. Наши старания были вознаграждены спустя две недели. Нас согласился взять в качестве разнорабочих влиятельный пожилой мужчина, которого мы встретили на одном из вокзалов. Он же предоставил нам одно из подсобных помещений в подвальном здании его офиса. Там было тепло, сухо, и в целом лучше, чем на скамье в парке. Работали мы очень много, с раннего утра, до позднего вечера. Мужчина оказался весьма разносторонним бизнесменом. В один день мы могли грузить овощи, а к вечеру таскать строительный мусор. В другой – мести территорию фабрики. Повидали мы за то время довольно много всего, как хорошего, так и не очень. Люди в крупном мегаполисе оказались ещё более хмурыми, и неприветливыми, как в прочем и бездомных животных.

Немного окрепнув в финансовом плане, мы встали на распутье: копить на открытие собственного дела, или съехать из подвала в мало-мальски приличное жильё. Сомнения развеялись очень быстро, и мы решили не терять бесплатное жильё, и копить деньги. Всё равно в тот момент мы и не определились окончательно с направлением, в котором хотели бы развиваться.

У богатого мужчины, которого мы называли дон Кихот, что его очень забавляло, мы проработали год и два месяца. Мы даже поднялись по своеобразной карьерной лестнице, и были уже не просто разнорабочими, а сами по вокзалам, и прочим местам обитания, собирали дешёвую рабочую силу. Возможно, у нас бы всё сложилось с доном Кихотом гладко, и мы бы совместно достигли успехов. ... Но он умер. Тихо, без шума, и очень неожиданно. Ушёл во сне. Хороший был человек, которого я, наверное, никогда не забуду. К власти в его бизнесе пришли его родственники, принявшие как стервятники разрывать, построенное непосильным трудом, на части. Нам места у такого каравая не досталось. Пришлось вновь отправляться на поиски своего места под солнцем. Благо наш благодетель не скупился, и последние месяцы жизни платил приличные деньги. Естественно часть из них мы отправляли домой, но и нам оставалось не мало.

Мы с Гастоном вновь оказались на перепутье. Город уже не казался таким большим, и кишачим возможностями. Мы решили перебраться в соседнюю страну. По рассказам знакомых, там было гораздо больше шансов обрести желаемое. Думать долго мы не стали, так же как и сообщать домочадцам о своих планах. Волновать измученных жизнью родителей было ни к чему. Так мы подошли к новому этапу приключений, и испытаний, которые нас ожидали.

Первым приключением для нас стало пересечение границы. При попытке пересечь её законно, мы лишь получили кучу насмешек, и ругательств в свой адрес. Но разве подобные мелочи нас остановят? Конечно, нет. Мы не пожалели половину от накопленных средств ради получения «зелёного коридора». Подкуп сработал как нельзя лучше, и нам даже посоветовали к кому обратиться, чтобы получить разрешение на работу. Естественно мы не упустили шанс,

и потратив ещё половину от половины денег, а так же пообещав процент от первого заработка, мы получили заветные бумаги.

Через несколько дней мы уже изучали огромный, красочный город, в сравнении с которым прошлое место нашей остановки казалось крохотной деревней. Возможностей здесь было действительно куда больше. Стоило нам выйти с автобуса, как три разных человека начали предлагать нам «подработать». Двое выглядели весьма сомнительно, и мы отдали предпочтение тучной, пожилой женщине, но с добродушной улыбкой. И, стоит отметить, не прогадали. Она оказалась владелицей не большой дешёвой гостиницы, и быстро при ней. Должности портье, уборщиков, и кухонных помощников нам всецело подошли. Тем более нам было обещано достойное жалование, чистая, просторная комната с окном, и даже медицинская страховка. Так жестоко нас прежде ещё не обманывали. Частично было выполнено условие о проживании. Но это оказалась крохотная комнатка, с одной кроватью, и лампочкой висящей на оголённом проводе. Об окне не было и речи. Так же как и о достойной оплате. К своему сожалению, хотя нет, не к сожалению, наоборот, мы подписали договор с этой дамой на три месяца, и уйти от неё не могли. Она ещё не знала, какую ошибку совершила. Мне же в очередной раз повезло, что рядом был верный, и невероятно смыслённый Гастон. Он умудрился пробиться в помощники повара, и за короткое время научиться готовить разнообразные блюда. Пока я мыл полы в комнатах гостиницы, оказавшейся настоящим борделем, Гастон оттачивал мастерство приготовления паэльи, соуса чили, и прочих чимичанг. В какой-то момент я даже посмеивался над ним, но когда его блюда стали получаться не хуже, а может быть, даже лучше, чем у повара, я изменил своё отношение. У парня был явный талант. Именно поэтому, когда наша трёхмесячная «каторга» подошла к концу, я не преминул воспользоваться случаем, и стащить у непорядочной женщины годами накопленные рецепты. Тогда я ещё не знал, что со временем придётся об этом пожалеть.

Мы вновь были свободны, и нужно было двигаться дальше. Мы решили выйти на новый уровень, и начать, наконец, работать исключительно на себя. Вариант, по большому счёту, у нас был только один – открыть забегаловку, в которой Гастон смог бы проявить все свои возможности, и умения. Я был не против роли официанта, кассира, и помощника ему во всём. Тут возникли первые сложности, ведь с нашими возможностями снять приличное помещение было невозможно, и мы решили пойти иным путём – открыть закусочную на колёсах. Это оказалось нам по силам. Мы приобрели старый фургон, из которого ранее торговали мороженым, и приступили к работе. Пока я приводил всё в порядок, красил, и удалял ржавчину, Гастону пришлось побегать по различным инстанциям, чтобы получить все необходимые разрешения. Спустя пару недель мы развернули выездную кухню недалеко от оживлённого сквера. Люди побаивались покупать у нас еду, и за первые дни мы не заработали ничего. Моему унынию не давал поглотить меня, Гастон, как всегда находившийся в прекрасном расположении духа. И в очередной раз, он оказался прав. Стоило первой парочке студентов рискнуть, и попробовать фирменное блюдо моего друга, как клиенты повалили гурьбой. Основная масса из них была студентами, падкими на дешёвую, вкусную кухню, подающуюся большими порциями. Постепенно клиентская база ширилась, и на место нашей стоянки начали приезжать люди из других концов города. Порой, спрос был так высок, что мне приходилось среди рабочего дня спешить на ближайший рынок в поисках заканчивающихся продуктов. В это время Гастон в одиночку справлялся не только с готовкой, но и с обслуживанием голодных клиентов.

Я не уставал поражаться количеству энергии, которое было в Гастоне. После тяжёлого дня, я валился с ног. Благо идти никуда не нужно было, ведь в целях экономии, жили мы прямо в фургоне. Гастон же теребил меня, и заставлял идти помогать в очередной социальный центр, приют для животных, или другое подобное заведение. Его оптимизм плавно переходил на меня, и мы весело обсуждая прошедший день, ещё несколько часов исполняли обязанности волонтеров.

Наши планы постепенно воплощались в жизнь. Мы начали копить не только на открытие полноценного ресторанчика, но и на покупку первого в нашей жизни собственного жилья. Так же мы стали задумываться о найме помощника, который будет обслуживать клиентов, пока я закупаю продукты.

В таком темпе мы прожили год. Наши родители немного разозлились, когда узнали, что мы без их ведома покинули родную страну, но получив по почте фотографии, и приличную сумму денег – остыли. Даже порадовались за нас. Естественно мы планировали перевезти их поближе к себе, но пока мы не открыли ресторан, и не обзавелись жильём, это было сделать очень сложно, да и не было смысла жить большой толпой в фургоне. Поэтому мы с Гастоном ещё больше стали прикладывать сил для достижения цели. Кто прикладывает силы, тот и получает отдачу. Именно такого мнения мы придерживались, и были в шаге от покупки небольшого, но уютного, и чистого кафе. Плюс ко всему, к нему прилагалась не только техника, и мебель, но и однокомнатная квартира на втором этаже. Но для получения всей суммы, нам нужно было продать фургон, и тогда бы даже осталась небольшая сумма на покупку автомобиля, чтобы быть более мобильными. Фургон был выставлен на продажу, а за кафе была внесена небольшая предоплата, чтобы место не ушло в другие руки.

Нам требовалась какая-то неделя, может, две. И вся жизнь могла бы пойти в направлении гастрономии. Но у высших сил были совершенно другие соображения на этот счёт. Широкая известность, которую получило наше заведение, сыграла с нами очень злую шутку. Хотя основная часть вины лежит, безусловно, на мне, и моих проворных руках.

В один прекрасный день, в нескольких десятках метрах от нас остановился автомобиль, и в нём сидела Марта, наша бывшая хозяйка. Он хмурила брови, что-то злобно шипела сквозь зубы. К сожалению, никто из нас не видел её, мы были слишком заняты обслуживанием голодных студентов. Увидь мы её, поняли бы, что она нас не забыла. Мы бы перестраховались, и вывезли фургон, или предприняли бы другие меры предосторожности. Увы, этого не произошло.

Всё случилось через два дня. Ближе к вечеру, когда начало смеркаться, я убежал на рынок за очередной порцией острого перца, и кукурузных лепёшек. Гастон остался в одиночестве. Клиентов было не много, и я даже не думал в тот момент, что что-то может произойти. До рынка было всего пара кварталов, это расстояние я научился преодолевать достаточно быстро, так же как и выбирать продукты. Отсутствовал я не более двадцати минут, но когда вышел из-за угла на небольшую площадь, где стоял наш фургон... Моё сердце неистово заколотилось, и защемило в груди одновременно. Бросив пакеты я бросился к гигантскому кострищу, которое пылало на месте нашей зарождающейся мечты. О материальных ценностях я думал в последнюю очередь. Вокруг собралась большая толпа, но по большому счёту, никто не предпринимал никаких действий. Я принялся звать своего друга, в ужасе понимая, что в тот момент могу лишиться самого близкого человека, вставшего в один ряд с родителями. Я метался из стороны в сторону, Гастона нигде не было. У меня буквально подкашивались ноги, дыхание перехватило. Я не знал, что делать, и уже собрался броситься в самое пекло, как из-за спины послышался знакомый голос. Я обернулся, и с облегчением выдохнул. Со стороны сквера прихрамывая шёл мой друг. Я бросился к нему. Лицо его было развито, рубаха порвана, но он был жив, и это было главным.

Первая пожарная машина приехала когда уже тушить было нечего. Фургон выгорел до основания. Оборудование, сбережения, наши труды и надежды. Ничего не уцелело. У нас не осталось даже одежды, чтобы переодеться. Руки опускались сами собой.

Как позже рассказал Гастон, стоило мне уйти, как в фургон ворвались трое неизвестных, крепких мужчин, и начали его бить. Потом разлили что-то из пластиковой бутылки, и подожгли. Бросив напоследок «привет от Марты» они принялись убежать. Гастон попытался их догнать, но за это получил лишь ещё одну порцию тумачков.

Страшнее всего было то, что мы даже не застраховали имущество. Мы не видели в этом нужды, ведь мы продавали ресторан на колёсах. Это было грубой ошибкой, стоившей нам несколько лет трудного пути, пройденного от дома. Даже у моего друга, сиявшего в любой ситуации оптимизмом, как будто не осталось положительных чувств в душе. Пока специалисты изучали место происшествия, искали улики, или следы преступников, мы просто сидели на холодном бетонном бордюре, и смотрели на пепелище рухнувших планов. Естественно, мы сообщили о Марте, и «привете» от неё, но судя по тому, как полиция отнеслась к нам, никто особенно не собирался активно искать негодяев. Только один из пожарных, когда все начали разъезжаться подошёл к нам, и предложил остановиться на время у него в доме. Мы с Гастоном вежливо отказались, не желая обременять и без того устающего на работе человека. Тогда он грустно пожелал нам удачи, сунул мне в руку бумажку, и попрощался. Так у нас оказалась сумма денег, которой хватило бы примерно на неделю в дешёвом мотеле, и ограниченное количество еды. Щедрый подарок для несчастных парней, потерявших всё в один миг, и за него мы отплатили в будущем с лихвой.

Именно с того момента начинались самые увлекательные, насыщенные, и неоднозначные приключения в нашей жизни. Тот вечер изменил наши судьбы на корню, и принёс в подарок десять лет насыщенной, красочной, и богатой жизни. Лучше бы этого вечера не было.

– Что будем делать, Гастон?

– Не знаю.

– И я не знаю... На деньги, которые мы успели накопить, мы могли бы построить роскошный дом в родном городе. Родители бы жили не старой лачуге.

– Обязательно топтаться на открытой ране, Седрик? Только хуже делаешь! – Гастон вскочил на ноги, и с осуждением посмотрел на меня.

– Извини. Просто моя голова пухнет от множества мыслей, и мне необходимо хотя бы частично их выпускать на волю.

– У меня точно так же, но я стараюсь не напрягать, и так сложную ситуацию, ещё сильнее. Чего и от тебя прошу.

– Я тебя понял.

Мы синхронно грустно вздохнули, и вновь сидели рядом, глядя на осколки нашего будущего.

– Хорошо хоть документы были в сумке, с которой я ходил на рынок!

– Вот, так уже лучше. Начинаешь видеть что-то хорошее.

– Так и правда легче. Не все наши старания потрачены в пустую. Мы всё ещё можем найти работу, и начать всё заново.

– Начать всё с нуля? От таких мыслей меня в дрожь бросает. Но другого пути, наверное, нет.

– Наверное. Стало холодать. Я знаю поблизости очень дешёвую гостиницу. Нам нужно набраться сил. А завтра попробуем отыскать, что-то уцелевшее. Всё равно полицейские сказали не подходить до утра к фургону.

– Идём. – Гастон не мог больше смотреть на пепелище, и не раздумывая согласился с моим предложением.

Со щемящим чувством в груди, мы ещё раз взглянули на наши потраченные впустую труды, и грустно побрели в гостиницу. Нам повезло, если так можно выразиться. Владелец оказался нашим постоянным клиентом, и знал, какое несчастье нас постигло. Он сделал нам максимально возможную скидку, и даже предложил выбрать по паре вещей из его гардероба. Вещи были довольно старые, и явно велики нам, но за неимением лучшего мы согласились. Двое поношенных джинсов, пара кофт, и старый рюкзак. Скромно, но щедро от человека, ничем нам не обязанного.

Мы поужинали горячим супом из чечевицы, смыли с себя запах гари, и попытались немного поспать. Я погрузился в тяжёлый сон, наполненный переживаниями, и страхами. Гастон, судя по всему, не спал вовсе. Когда я проснулся, его койка была всё так же застелена покрывалом.

– Гастон! Гастон, ты тут? – моего друга не было в номере.

Я встал с кровати, осмотрелся. На всякий случай, с замиранием сердца проверил ванну. Страшные сны не прошли даром, и мне почему-то привиделось, что он собрался наложить на себя руки. Я быстро оделся, и выбежал на улицу. Небо было уже светлое, но солнце ещё не появилось. Обойдя кругом здание мотеля, следов Гастона я не обнаружил.

– Не хотелось бы остаться одному в такой ситуации. Не поступай так со мной, Гастон. – Тихо пробурчал я себе под нос, и пошёл в сторону номера.

Как будто кто-то услышал мою просьбу, ведь на встречу мен из переулка выбежал на удивление весёлый Гастон.

– Ты куда пропал? Я уж подумал, бросил меня тут одного! – хотел было возмутиться я, но он пропустил замечание мимо ушей.

– Седрик! Я всё придумал, я нашёл! Наши проблемы решаться. Есть решение! – сумбурно начал запыхавшийся Гастон свой рассказ.

– Кого нашёл? Где? Что ты несёшь?

– У-ф-ф-ф! Погоди, дух переведу, и всё расскажу.

– С нетерпением жду!

Пара минут ушла на то, чтобы мой товарищ отдышался, и смог построить ясно сформулированную фразу.

– Мне не спалось, и я решил немного пройтись по ночному городу. Понятно, не лучшая идея в таком районе, но мне было всё равно. Так вот, шёл я себе, шёл. Никого не трогал. Как вдруг налетел порыв ветра, и сорвавшаяся со стены афиша, прилетела мне, прямо в лицо. Нет, ну ты понимаешь? Ветер бросил мне в лицо объявление! Не судьба ли?

– Даже не знаю. Что за объявление? Предлагают работу? Я буду только рад.

– Лучше! Гляди! – Гастон ткнул мне в лицо большим небольшим, но красочным объявлением.

– Не суй в глаза, я же ничего не вижу! Что там? Хм, так. Понятно. Ты пошутить решил?

– Ну почему же пошутить? Мне кажется это реальный шанс! – даже немного обиделся Гастон.

– То есть, ты считаешь, что нас возьмут сниматься в кино? Смеёшься? Там кроме нас тысячи кандидатов. К тому же у большинства есть соответствующее образование, или опыт. Мне кажется, что нам стоит заняться поиском реальной работы, и не забивать голову всякой ерундой.

– Какой же ты зануда! Почему не попробовать?

– Потому, что у нас денег осталось шиш да ни шиша. Вот почему. И пока мы будем заниматься глупостями, они вообще кончатся, и нам придётся побираться на свалке.

– Фу, Седрик, какой же ты неприятный сейчас. Не видишь реального шанса! Я, между прочим, отличный лицедей!

– Вот и корчи рожи сколько влезет. Я буду искать работу, за которую сразу получу деньги. И подожду, когда ты прибежишь оголодавший, и замёрзший.

– Седрик, пожалуйста! Не бросай меня одного. Дай мне один шанс. Если не получится, я больше не буду тебя тревожить подобными вопросами. Найдём работу, и вернёмся к прежней жизни.

– Гастон.... Ладно! Ты выиграл. Только потому, что это ты. Я буду рядом с тобой, хотя мне это совсем не по душе.

В тот же день мы отправились по указанному в объявлении адресу. Как я и предполагал, претендентов было просто несметное количество. Очередь тянулась от входа и до следующего перекрёстка. А это было по меньшей мере двести, или триста метров. Потеря целого дня в очереди была неизбежна. Я взял себе большой бумажный стакан кофе, которое, к счастью, было бесплатным. Для участников кастинга, конечно, но мен это мало заботило. Мне предстоял очень продолжительный день.

Гастон заполнил анкету, и получил порядковый номер с таким видом, словно его уже утвердили на роль. Я тактично промолчал, и уселся в сторонке. Меня в тот момент гораздо больше заботили более земные мысли. Как быть дальше? Куда иди работать? Как сказать семье о потере фургона? Мой друг же был погружён целиком и полностью кастингу. Он даже успел завести новых знакомых, стоя в очереди, и весело что-то обсуждал. Я глядя на всё это лишь отфыркивался. В какой-то момент мне стало так скучно, и тоскливо, что я погрузился в лёгкую дрему на обочине дороги. Благо, что многие кандидаты давали отдых ногам именно таким образом. На меня не обращали ровным счётом никакого внимания. Сон пошёл явно на пользу. Нет, меньше мыслей в голове не стало, зато время пролетело. Очередь уже почти дошла до Гастона, и двигалась чуть быстрее, чем я предполагал.

– Я следующий! Скрести за меня пальцы! – когда время уже далеко перевалило за полдень, настал момент истины для Гастона. Он сильно нервничал, так, что у него тряслись пальцы на руках.

– Успокойся, Гастон! Не на экзамен ведь идёшь. Всё будет хорошо! – я постарался приободрить своего друга, хотя на самом деле не слишком верил в его успех.

Гастон, услышав свой номер, проскользнул в открытую дверь. Мне оставалось только сидеть, и ждать. Но тут кофе, выпитое в больших количествах, попросилось наружу. Я огляделся по сторонам. Ничего похожего на туалет в поле зрения не наблюдалось. Народу было вокруг много, переулком воспользоваться не было возможности. Тогда я подошёл к охраннику:

– Добрый день. Подскажите, как я могу попасть в туалет?

– Эх, паренёк. Туалет есть в здании, но я не могу тебя пустить. У тебя даже номерка нет.

– Друг, мне очень нужно. Оглянись, мне и податься некуда больше. Я бы с радостью обошёл это место стороной.

– Мне может крупно влететь от начальства, если тебя кто-то увидит.

– Не увидят. Я мигом, туда, и обратно!

– Уговорил. Только бегом. Прямо коридору, затем налево. Там будут две двери. В табличках, надеюсь, не запутаешься.

– Спасибо, друг! – я помчался по коридору, но осуществить задуманное не успел.

– Эй, парень! А ну-ка постой! – такого поворота не ожидал ни я, ни охранник. Из двери, ведущей в зал прослушивания, вышел солидный мужчина. Он был одет в дорогой костюм. Золотые часы, перстень. Даже очки были, по всей видимости, золотые. Я сразу смекнул, что это крупная шишка, и именно он организовал весь этот кастинг.

– Простите, мистер Адамс. Я его сейчас выведу! Говорил я тебе, влетит мне! – заключительную часть фразы испуганный охранник прошептал мне на ухо. Он схватил меня под руку, и потащил к выходу.

– Не так быстро. Подведи его поближе.

– Извините, что помешал вашему процессу. Я немедленно удалюсь.

– Нет-нет-нет. Погоди. Как тебя зовут? Впрочем, не важно. Какой тебя номер?

– Номер? Какой номер? Ах, вы про это. Вы не так поняли, я не на кастинг пришёл. Я друга сопровождаю. Я не собирался участвовать.

– Не собирался? Хм, странно, почему?

– Как почему? Потому, что мне это не интересно. Наверное, я не создан для кино.

– Не создан, говоришь? Ну-ка идём со мной, и проверим, кто из нас окажется прав. Помоему, ты очень умело показываешь эмоции. Я уже успел разглядеть удивление, смущение, страх... Идём. Смелее, никто тебя ни к чему не принуждает. Удели мне пять минут. Ты ведь ничего не потеряешь? Я дам тебе сотню, при любом твоём решении.

– Что? Деньги? Это другой разговор. Если бы я знал, что за это платят, я бы давно получил номерок. Идёмте.

– Славно. Я увидел ещё не менее трёх эмоций от тебя. Да ты полон секретов мистер... Как тебя зовут?

– Седрик Себастьян Санчес. А вас? – я испытывал странное волнение рядом с этим человеком. Настолько необычное, что зачем-то приплёл к своему имени «Себастьян». Так я хотел в детстве, чтобы меня звали. Я мечтал, чтобы имя звучало более представительно. Так же я довольно нагло спросил имя собеседника.

– И имя звучное, продаваемое. Отлично. Меня зовут Чарльз Кристофер Адамс.

Я не совсем понял что значит «продаваемое», но последовал жесту мистера Адамса, и вошёл в душный зал. Всё выглядело совсем не так, как я себе представлял. Я всегда думал, что на пробы одевают костюмы, и играют небольшие сценки перед большой аудиторией, и если ты всем понравился, то проходишь. Я глубоко заблуждался. Оказалось всё намного проще, и скучнее. Стояли несколько столов в ряд, за ними сидели задумчивые люди. Человек пять шесть, не больше. Стояла камера, которая светила на небольшой пятачок перед столами. На это месте стоял человек, и делал то, что ему велят. Показывал радость, печаль, рассказывал стихи. Выглядело это очень странно. Жюри, если так можно сказать, после каждого действия потенциального актёра что-то отмечало в листах бумаги, лежащих перед ними, и совещалось в полголоса. Когда мы вошли, все обратили взор на нас. А жаль, если бы они продолжили смотреть на Гастона, то смогли бы лицезреть весьма убедительную игру. Удивление, ухмылка, и даже радость повисли на лице моего друга. Но не было обиды, разочарования, или прочих негативных эмоций. Гастон был рад, что я каким-то чудным образом попал в этот зал.

– Чарльз, ты же хотел немного проветриться?

– Спокойствие Ли, я всё объясню, как только вы закончите с этим молодым человеком.

– Мы уже увидели достаточно, и как раз собирались заканчивать. Спасибо Гастон, что уделили нам время, мы обязательно рассмотрим вашу кандидатуру. – Один из мужчин, всем своим видом провозглашавший прямое отношение к творческим кругам, вежливо выпроводил Гастона.

Проходя мимо меня, Гастон ухмыльнулся, и ободряюще подмигнул. Я остался наедине с «большими шишками» киноиндустрии.

– Какой у вас номер, молодой человек?

– Он без номера, Ли. Можешь не пытаться найти его анкету.

– Хм, нет анкеты? Это что-то новенькое.

– Стоило мне увидеть его эмоции, когда этот парень подумал, что его сейчас поймает охрана... У меня нет слов. Он прирождённый актёр. – Проводящие кастинг люди сгрудились вокруг Адамса. Он хоть и говорил тихо, но я прекрасно всё слышал, и даже хотел было встрять с фразой «вы меня не за того приняли, я не актёр». Но по какой-то причине не стал. Столь лестный отзыв дёрнул за какую-то струну внутри меня. Я решил выяснить, чем всё это закончится, параллельно отвлекаясь от проблем.

– Хорошо. Ты никогда не подводил нас. Мы и на этот раз доверимся чутью.

– Уверяю, вы не пожалеете. Только, позвольте, я буду его тестировать?

– Прощу. Он весь в твоём распоряжении.

Всё внимание вновь переключилось непосредственно на мою персону, скромно стоящую в сторонке.

– Вас зовут, Седрик Себастьян Санчес? – мистер Адамс приступил к «тестированию», что бы это ни значило.

– Нет... Вернее, не совсем. Меня зовут Седрик Санчес. В детстве я хотел, чтобы меня звали Себастьян. Мне казалось, что так более звучно, и представительно. – Я ждал негативной реакции на то, что обманул уважаемого человека. Но получил лишь одобрителное шушуканье, и кивки.

– Не дурной ход, скажу я вам. Седрик Себастьян Санчес звучит очень презентабельно.

Далее последовали стандартные вопросы, для типичного собеседования. Возраст, образование, опыт работы. Всё было настолько банально, что мне, откровенно говоря, в какой-то момент стало скучно. Я как мог это скрывал, чтобы не раздосадовать возложившего на меня надежды Адамса. Но следующий вопрос стал для меня полной неожиданностью, и заставил меня подумать, что меня просто разыгрывают:

– Седрик, вам скучно? Только честно.

– Честно?! Да. Мне тошнотворно скучно. Я никогда не думал, что всё происходит именно так. – Выпалил я, и тут пожалел. Глаза присутствующих расширились, и повисла тишина. Сожаление прошло довольно быстро, и трансформировалось в полноценный ступор, вызванный дальнейшим развитием событий.

– Адамс, ты был прав! – восторженно загомонили участники своеобразного жюри.

– Что я вам говорил?! А вы сомневались.

В компании профессионалов кино, зашелестели голоса, но теперь они были ещё на пол тона тише, и мне с трудом удавалось вырвать хотя бы несколько слов. Как я смог понять, может и ошибочно, но всем понравился мой талант изображать заинтересованность в моменты нужных, томительных бесед. Что не удавалось даже им самим.

– Извините, мне уже можно идти? Меня ждут на улице, да и мне нужно определиться... В общем, мне пора! – я уверенным шагом направился к выходу, но меня остановил Чарльз Кристофер Адамс.

– Сто тысяч, и вы позволите побеседовать с вами ещё двадцать минут.

Мои ноги налились свинцом, подкосились, дыхание спёрло, а сердце, будто совсем перестало биться. Я медленно повернулся к странным людям, и уставился на них как на произведение искусства.

– Что, простите? – еле слышно проговорил я.

– Если вы позволите нам с коллегами задать вам ещё несколько вопросов, которые не отнимут более двадцати минут, то получите от меня чек на сто тысяч. Независимо от того, чем закончится наша случайная встреча.

– Не стоит так шутить со мной. Буквально вчера я потерял всё своё имущество, и сбережения, которые даже рядом не стояли с этой суммой. С вашей стороны это будет очень жестоко.

– Шутить? Никто не говорит о шутках. Напротив, я приношу свои соболезнования. Я не был осведомлён. К счастью, как я вижу, вы в порядке, и можете мне очень здорово помочь. В подтверждение же своих слов, я выпишу вам чек прямо сейчас. Вот, возьмите. Он теперь у вас, и вы вольны в выборе. – Адамс вручил мне подписанный чек на оговоренную сумму. Я машинально взял его, и первым желанием было рвануть на улицу, и затеряться в толпе. На такую сумму, мы с Гастоном могли не только открыть своё дело вновь, но и приобрести скромное жильё на окраине. Это было решило очень многие проблемы. Но я не смог сбежать. В глазах Чарльза Адамса я увидел доверие к моей персоне, добродушие, честность, и порядочность.

– Хорошо, мистер Адамс. Единственная просьба – ущипните меня, если это сон.

– Поверьте, Седрик. Всё наяву. Так вы согласны?

– Да, я согласен.

– Вот и замечательно. Пожалуй, теперь вы господу можете проверить мистера Санчеса.

Мы и правда уложились в двадцать оговоренных минут. Но что это были за минуты. Такого широкого спектра эмоций я не изображал, пожалуй, и за год. А тут двадцать минут. Счастье, грусть, гнев, удивление, весёлая песня, грустная песня... Это лишь короткий список, который я должен был показать без подготовки. Что мне запомнилось более всего, так это манера выставления задачи. Не просто «покажи счастье», а «ты выиграл в лотерею». Не «покажи нам печаль», а «у тебя умерла собака». Откровенно говоря, мне понравилось. Вероятно, и даже, скорее всего, мне помогла атмосфера в зале. Чувствовалось то, что ко мне душевно расположены. Не было ни капли критических комментариев, и я был переполнен неведанной ранее верой. Именно эта вера и позволила мне показать то, о чём я даже никогда не задумывался, и не подозревал, что могу.

– Что могу вам сказать, мистер Санчес. В данный момент всё зависит от вас. Я могу только предложить сотрудничество, не больше, не меньше. Решение остаётся за вами.

– Сотрудничество? На каких условиях? – кроме излишней нескромности ничего лучше в голову мне не пришло.

– Ха-ха-ха. В вас явно жива деловая жила. Мне это нравится. Не желаете отобедать со мной, и обсудить все детали? Думается мне, что предложение вас точно заинтересует.

От голода у меня засосало под ложечкой. Хотя скорее это был исключительно психологический фактор.

– Отобедать, конечно, я не против. Есть одно крохотное условие – мой друг ждёт на улице. Ему тоже некуда идти. Позвольте взять его с собой?

– Мистер Санчес, для меня будет в радость разделить поздний обед с вами, и вашим другом. Идёмте.

Чарльз Адамс что-то прошептал коллегам, уверенно встал, и направился к выходу. Мои ноги всё ещё оставались тяжёлыми, и ему пришлось аккуратно взять меня под руку, и приободрить.

– Не волнуйтесь вы так, Седрик. Нервы, и хорошая пища, никак не сопоставимы. Поспешите за своим другом, а я вас подожду здесь. Мы выйдем через другую дверь.

Адамс дал указание охраннику впустить меня с другом вновь, и указал на дверь, за которой будет нас ждать. Я несколько пришёл в себя, и выбежал на улицу. Оглядевшись по сторонам, я обнаружил Гастона сидящим на обочине дороги.

– Гастон! Гастон, скорее идём.

– Что случилось? Ты что-то натворил? Ох, остался в тебе ещё озорник из детства. Давай сюда, лучше бежать в другую сторону.

– Нет, ты не понял. Нас там ждут. Пошли. – Я схватил Гастона за руку, и потащил в здание.

– Куда? Кто нас ждёт? Ты что, перегрелся?

– Потом. Всё потом. Бежим.

Гастон перестал сопротивляться, но всё же с некоторой неохотой следовал за мной. Я же торопился, как мог. Я боялся, что всё окажется розыгрышем, злой шуткой, или того хуже – сном.

Успокоить бешено колотящее сердце, я смог в момент, когда увидел ожидающего нас Адамса. Он улыбнулся, видимо одобряя моё возвращение, и радуясь тому, что я не попытался скрыться с подписанным чеком.

– Мистер Санчес. Я рад, что вы приняли верное решение. Ещё раз здравствуйте, Гастон. Не думал, что вы и есть тот самый друг. Прошу вас за мной.

Мы прошли по длинному коридору в сопровождении ещё одного сотрудника службы безопасности, и вышли на улицу со стороны служебной автостоянки.

– Куда ехать, мистер Адамс? – шофёр, встречавший нас, услужливо открыл дверь огромного джипа.

- Было бы неплохо перекусить!
- В ваше любимое?
- Именно!

Спустя мгновения мы уже выезжали на оживлённый проспект, сидя в шикарном автомобиле на обшитых кожей сиденьях. Гастон по собственному желанию занял место спереди, и периодически вопросительно поглядывал на меня в зеркало заднего вида. Я ему успокаивающе подмигивал, хотя сам сидел поглощённый одновременно тревогой и приятным волнением. Чарльз молчал всю дорогу, периодически всматриваясь в мелькающих за окном людей.

Пожалуй, это была самая долгая поездка в моей жизни, даже учитывая то, что она длилась не более двадцати минут. Время тянулось, и давило на меня, словно огромный кусок эластичной резины. Я боялся пошевелиться, и даже дышать старался как можно тише. Мне казалось, что стоит сделать одно неверное движение, и мы останемся с Гастоном на обочине дороги, и жизни. Это было бы до боли обидно – не успеть подняться, и уже упасть. К счастью, всё обошлось, и Чарльз Адамс оказался действительно таким же душевным человеком, каким казался на первый взгляд. Весьма своеобразным, но не заполненным дёгтем сосудом.

– Мы на месте, ребята. Следуйте за мной. – Когда автомобиль остановился, Чарльз буквально очнулся ото сна, и его лицо вновь осенила улыбка.

Мы вышли из автомобиля, и огляделись. В этой части города мы ещё не были. Как выяснилось позже, это был самый элитный район, где почти на каждом шагу можно было встретить знаменитость, или видного общественного деятеля. Хотя это больше произвело впечатление на Гастона, так как из нас двоих только он обладал познаниями в подобных сферах. Я был не фанатом кино, и всегда не особенно вникал по все жизненные перипетии героев с экрана. Мой друг, напротив, с радостью испытывал полное погружение в очередной кинофильм, сериал, или мультфильм. Мне больше нравилось за чашкой чая послушать рассказы Гастона. У него здорово получалось меня увлечь.

Я был больше в тот момент впечатлён зданием, в котором располагался ресторан. Не очень высокая, но всё же впечатляющая башня из стекла и металла, венчал которую огромный блестящий диск. Слово гигантский гриб, покрытый серебристой росой, сверкающий в лучах полуденного солнца. Зрелище было захватывающе. Ещё большее впечатление я испытал, когда увидел, как по ножке «гриба» курсируют лифты с пассажирами. Шляпка оказалась рестораном, и не простым, а вращающимся. Такое я мог видеть только в тех самых редких фильмах, или слышать от Гастона.

– Мистер Санчес, вы идёте? – немного смутился Чарльз, и вопросительно посмотрел на меня поверх очков. Я остановился перед автоматическими дверьми, и задрал голову к небу, восхищённо.

– Седрик! Ну, ты чего? Как будто с дикого края приехал. Веди себя естественно. – Пока мы двигались в лифте на вершину башни, Гастон шёпотом пилил меня, и пытался оторвать от стекла, к которому я прилип, изучая окружающие виды.

– Седрик, ваш товарищ прав. Не тратьте эмоции даром. Лучшие виды вы сможете наблюдать, не отрываясь от обеда. – Как-то, даже слегка по-отцовски, похлопал меня по плечу Чарльз Адамс, и добродушно улыбнулся.

– Ой, прошу прощения. Не хотел показаться невежей. Просто мне всегда нравились подобные панорамные виды на город. Особенно ночной.

– Не волнуйтесь, если не произойдёт форс-мажорных обстоятельств, этот вид в скором времени наскутит вам. Если вы понимаете, о чём я?! – Адамс ехидно подмигнул мне, и первым покинул кабину остановившегося лифта.

Сложно подобрать слова, чтобы описать интерьер ресторана, в котором мы оказались. Роскошь, богатство, изысканность.... Такие слова меркли в ослепительных лучах заведения. Даже прелестные фотомодели, коих за столиками было много, казались не такими уж привле-

кательными. Их красота становилась серой, тусклой, и однообразной. Мы же на фоне подобного чуда света и вовсе исчезли. На наше появление не обратила внимания ни одна живая душа. Кроме метрдотеля, который чуть заметно кивнул, и проводил нас к столику у стеклянной стены.

– Седрик, я как-то неловко себя чувствую. Пришли с улицы, в каких-то лохмотьях.... Мне кусок в горло не полезет.

– Не нагнетай обстановку, Гастон. Оглянись. Всем плевать на то, что происходит вокруг. К тому же, ты называешь нашу одежду лохмотьями? Погляди, какая сейчас мода! Жуть просто.

– Седрик прав. Вам не о чем волноваться. Каждый присутствующий в этом зале занят исключительно мыслями о себе любимом. И на окружающую обстановку они не обращают ровным счётом никакого внимания. Именно за это я и люблю это место. Я прихожу сюда подумать, или провести важный разговор. Никто не мешает, и влезает. – Адамс говорил довольно громко, что заставило меня с Гастоном опасливо оглядеться по сторонам. Но создавалось такое впечатление, что нам просто не существует в этом месте. А там, где стоит наш столик – пустота. Откровенно говоря, осознав это, мы облегчённо выдохнули. Излишнее внимание ещё не было привычным для нас.

Первые несколько минут, мы с моим другом с восторгом наблюдали открывающийся вид из панорамных окон. Мистер Адамс в это время делал заказ и за себя, и за нас. Мы не возражали, так как меню было на непонятном нам языке, да и названия блюд были сложно произносимы. Чарльз же был в своём ареале обитания, и произносил каждое название с подходящим видом, и без запинки. Сказывался опыт в подобных делах.

Сам же обед был под стать общему антуражу. Некоторые яства, подносимые вышколенными официантами, мы с Гастоном вообще видели впервые в жизни. Различные обитатели моря. Блюда с заковырыстыми названиями, не говорящие нам ни о чём. Красивый, но не совсем съедобный вид содержимого некоторых тарелок нас даже немного смутил. Мы переглядывались с Гастоном, и попирая правила этикета, ковыряли вилками, чем привели практически в детский восторг Чарльза.

– Ребята, вы такие уморы! Не бойтесь так. Все твари в ваших тарелках уже не живые, и не набросятся на вас. Хотя могу понять ваше состояние. В моё первое посещение приличного ресторана прошло не намного лучше. Но ничего, привыкнете ко всему.

– Мистер Адамс, мы уже достаточно попробовали.... Угощений, может, перейдём к делу?

– Конечно. Как скажете, мистер Санчес. С вашего позволения, может быть, перейдём на ты? Не люблю всю эту официальность. Она меня угнетает. Можете смело звать меня Чарльз. Как вам такое предложение?

– Мистер Адамс.... Простите, Чарльз. Я не против, но всё же буду на «Вы». Не могу себе позволить иначе.

– Твоё право, Седрик. Я согласен.

– Спасибо, Чарльз.

– О, вот и кофе. Теперь можно смело приступать непосредственно к цели нашего обеда.

Это был не кофе. Это был напиток, дарованный внеземной цивилизацией, и не меньше. Такого аромата и насыщенности вкуса просто не могло быть получено на земле. Он успокаивал нервы, и бодрил одновременно. Расслаблял разум, и направлял мысли в нужное русло. Делал всё, чтобы время, проведённое за ним, не ушло в пустоту. Чтобы оно запомнилось, и принесло плоды. Теперь стало окончательно ясно, почему именно здесь любил проводить встречи Чарльз. С кружкой подобного напитка, глядя в его светлые, добрые глаза, просто невозможно было отказаться от предложения.

– Это удар ниже пояса, Чарльз! – восторгался я после каждого глотка. Гастон же просто молча присосался к кружке, и довольно мычал.

– Ха-ха-ха! Ой, какие же вы забавные. Я знал, что вам понравится именно такой вариант исполнения. Это моё секретное оружие.

– Нет, так дело не пойдёт. Я не смогу адекватно соображать, пока это находится у меня в руках. – Я решительно отставил от себя наполовину полную кружку, но не забывал поглядывать на неё, ожидая момент, когда смогу вернуться к наслаждению.

– Да, ты прав, Седрик. Пора уже и к делу перейти. Времени свободного у меня осталось очень мало.

– Но для начала я бы хотел вернуть это. Думаю, что я не заработал их. – Я достал из кармана чек, и положил его на стол, пододвинув к Чарльзу. Гастон пригляделся, и тут же закашлялся. Сумма, прописанная рядом с моей фамилией в качестве получателя, произвела на него неизгладимое впечатление.

– Будет тебе, Седрик. Был уговор. Ты выполнил свою часть сделки, и это твоя оплата. Всё по честному. Наверное, вы слышаны, что в нашей сфере много жуликов, лжецов, лицемеров, и прочих обитателей болот? Может это и так. Но я не из них, и моё слово непреложно. Тем более вы сейчас нуждаетесь в средствах, учитывая несчастный случай с фургоном.

– Не понял.... Откуда вы знаете про фургон? – неподдельно, и очень сильно удивился я. Понять нужду в деньгах было не сложно, стоило лишь взглянуть на наш внешний вид. Но историю с пожаром я не рассказывал, и, судя по выражению лица Гастона, он тоже.

– Привыкайте, господа. Пусть вас не вводит в заблуждение, что вы находитесь в большом городе. Здесь каждый на виду, и про каждого можно получить информацию. При условии наличия желания, и возможностей. Только не обижайтесь, это профессиональная привычка, и я ничего не могу с ней поделать. Несколько раз жестоко обжигался, и у меня уже выработался рефлекс.

– Если честно, то подобные моменты вызывают никак не чувство обиды.... Страх, вот что я чувствую.

– Аналогично. Имея возможность так быстро, и без особых усилий раздобыть нужную информацию, неизвестно, что можно сделать при другом желании. – Согласился я со своим другом.

– Ребята, не бойтесь. Мне нужна была лишь уверенность в том, что вы не беглые преступники, или того хуже. В нашем деле очень важна страховка, со временем вы это поймёте. Тем более, я думаю у вас нет повода не доверять мне, или бояться. Я ни в коем случае никого ни к чему не принуждаю. Всё будет зависеть только от решения Седрика.

– Да, вы правы, Чарльз. Извините, что усомнились в вас. Давайте ближе к делу. – Не знаю, по какой причине, но я действительно проникся доверием к этому человеку. В нём не было ни капли фальши. Он был настоящим человеком, каких можно встретить в наше время не так часто.

– Мои мысли довольно просты. Мы подписываем контракт, и делаем из тебя героя нового фильма. Все получают хороший гонорар, и остаются хорошими друзьями, и партнёрами.

– Действительно просто.... Но не совсем. Каковы условия контракта? Что именно за фильм? – пока я сидел в раздумьях, Гастон, не теряя времени, взял бразды правления разговором в свои руки.

– Хорошие вопросы. Естественно, я к ним подготовился. – Чарльз достал из сумки довольно объёмную папку с бумагами.

– Что это?

– Это, дорогие мои, большой секрет. Стопка что толще, является сценарием. Тонкая – контракт. Эти два документа являются коммерческой тайной любого проекта, и стоит им попасть не в те руки.... Может получиться очень нехорошо. С контрактом вы можете ознакомиться прямо здесь, и сейчас. Если всё устроит, можно будет обсудить сценарий.

– Хм, давайте посмотрим! – Гастон без излишней скромности притянул к себе тонкую папку, и принялся пристально изучать содержимое. Я, словно шпион, мог только заглядывать через его плечо. Чарльз о чём-то серьёзно задумался, глядя на нас двоих.

Контракт оказался довольно обширным, и на его изучение было потрачено больше времени, чем я мог себе представить. Но скучно нам не было. Уже после того, как мы увидели сумму гонорара, тело прибил озноб, и на лбу выступил холодный пот. Таких баснословных денег мы бы со своим фургоном не заработали и за целый век.

– Чарльз, вы уверены, что здесь всё верно написано?

– Да, Гастон, уверен. А в чём проблема? Нашли ошибку?

– Нет.... Просто гонорар....

– Ах, вы об этом! Да сумма не такая большая. Не берите в голову. Это минимальная сумма, которую вы получите независимо от сборов в прокате. Ещё столько же примерно будет начислено в виде бонусов.

– Кхе-кхе-кхе! – синхронно подавились мы с Гастоном.

– Поймите меня правильно, господа. Седрик дебютирует в киноиндустрии, и я не имею морального права прописывать ему гонорар больше. Могут неверно истолковать.

– Прекратите шутить, Чарльз. Вы же понимаете, что мы не считаем сумму заниженной, а где-то даже наоборот, слегка завышенной.

– Седрик! – Гастон сильно ткнул меня локтем в рёбра, и мило улыбнулся Чарльзу.

– Ха-ха-ха! Ой, я не могу с вас. Давно так не смеялся.

– Чарльз, вы не слушайте моего друга. Он сейчас немного не в себе после пожара. Это был огромный стресс для нас. Мы согласны на ваши условия.

– Прекрасно. С вами приятно иметь дело, Гастон! – Чарльз пожал руку моему другу, а я сидел словно посторонний, и просто наблюдал за происходящим.

– С вашего позволения, мы возьмём контракт с собой, и ещё раз ознакомимся. И, конечно, сценарий тоже.

– Безусловно. Я рад, что всё прошло настолько гладко, и быстро. К тому же в дружеской атмосфере. Мне уже пора. Если вы ничего более не желаете, позвольте подвезти вас.

– Подвезти? – только тогда мы с Гастоном поняли, что и везти-то нас некуда. Осознал свою ошибку и Чарльз.

– Ой! Прошу прощения за бестактность. Я совсем запамятовал. Ну, ничего, я знаю, как загладить свою вину. Идёмте. – Чарльз встал. И уже собирался направиться к лифту.

– А как же счёт?

– Не волнуйтесь, Седрик. Всё записано на меня, я покрываю все свои обеды раз в месяц. Так проще.

Мы спустились вниз. Автомобиль уже стоял у входа. До сих пор я не понимаю, как Чарльзу удавалось всё сделать настолько незаметно. Вызвать шофёра, узнать нашу историю. Он никуда не отлучался, и не мог позвонить. Загадка.

Мы ехали в шикарном автомобиле, и я всё никак не мог поверить, что все эти события происходят в действительности. Пару раз я себя даже ущипнул, чем вызвал очередную порцию смеха у Чарльза Адамса.

Поездка оказалась очень короткой, и мы остановились у высотного жилого здания. Чарльз позвал нас за собой. Мы послушно последовали. В холле Адамса поприветствовал консьерж, и выдал ключи. Нашей целью был семнадцатый этаж.

– Надеюсь, вы здесь найдёте всё что нужно. В крайнем случае, поднимите эту трубку, она автоматически вызывает коридорного. Не особняк, но квартира приличная.

– Я не совсем понял, Чарльз.

– Я такой неловкий. Из-за различных мыслей даже толком не могу вам ничего объяснить. Поживите пока здесь. Квартира всё равно пустует.

– Спасибо, Чарльз, это очень щедро. Какая арендная плата за неё?

– Арендная плата? Вы шутите? Все, ребята, мне пора. Я и так слегка опаздываю. Обустраивайтесь, и ни о чём не переживайте. Кстати, какой у вас номер телефона?

– Телефона?

– Ясно, я так и думал. Всё, я убежал. Как выкрою время, мы с вами ещё побеседуем. А ты Седрик приглядиись к своему другу, он мог бы стать твоим личным агентом. У него есть все задатки.

Дверь захлопнулась, и мы с Гастоном остались в огромной гостиной одни. Молча переглянувшись, мы расположились на мягком диване, и застыли. Некоторое время в квартире была полная тишина. Не было слышно ничего, кроме нашего дыхания.

– Гастон.

– Да?

– Мы не спим?

– Не знаю, Седрик.

– И я не знаю.

Вновь повисла напрягающая тишина. Мы с другом даже не смотрели по сторонам, уставившись каждый в свою выбранную точку.

– Нет, судя по тому, что мне больно, когда я себя щипаю – не спим.

– Да, ты прав. И что это значит?

– Я ещё не совсем понял, но есть предположение, что мы богаты!

– Т-с-с-с! Тише! Не говори это вслух – спугнёшь.

– Тьфу, тьфу, тьфу! Не хотелось бы.

– Да. Представь, сколько помощи мы сможем оказать?

– Даже не могу представить.

– Я тоже. Но много. Очень много.... Как ты думаешь, я смог бы стать агентом?

– Уверен, что не просто смог бы, а станешь.

– Правда?

– Конечно. Я буду твоим первым клиентом. Более надёжного, и честного человека мне веками не сыскать. Тем более мне как-то неловко, что я украл твою мечту.

– Неловко? Не глупи. Ты оказался талантливее, чем я. Всё справедливо. Зато во мне, может быть, есть предпринимательская жилка. Я буду выбивать для тебя лучшие условия, нам же нужны будут деньги на наши задумки из детства. Кстати, спасибо за то, что так думаешь обо мне.

– Спасибо, что ты рядом, Гастон! Только благодаря тебе мы оказались здесь.

– Да не за что! Тебе спасибо, что поддался на уговоры.

– Что будем делать?

– Не знаю.... Я есть хочу....

– Тоже не смог нормально есть в ресторане?

– Ага. Наверное, мы ещё не прониклись нужным духом.

– Точно. Давай перекусим. Потом нам нужно будет ознакомиться со сценарием, и ещё раз просмотреть контракт, чтобы не оказалось подводных камней.

Неожиданно раздался стук в дверь. Мы с Гастоном притаились. Со стороны это было, наверное, странно, но нам было страшно. Причины страха были не совсем ясны. Может быть, мы боялись, что Адамс нас подставил, и мы понесём наказание за вторжение в частную собственность.

– Мистер, Санчес. Вы у себя? Я от мистера Адамса! – стук повторился, и из-за двери раздался голос.

– Нужно открыть. – Я подошёл к двери, и повернул замок.

– О! Мистер Санчес. Хорошо, что вы дома. – За дверью стоял вышколенный коридорный, в соответствующей одежде. В его руках было несколько пакетов.

– Вы говорите от мистера Адамса?

– Да. Его шофёр привёз эти посылки, и попросил передать вам.

– Большое спасибо! – я взял пакеты, и пошарив в карманах, нашёл смятую купюру.

– Нет-нет, что вы?! Ничего не нужно. Мистер Адамс уже обо всём позаботился. – Коридорный улыбнулся, и развернувшись, удалился по своим делам.

– Что там, Седрик?

– Я не знаю, но пахнет аппетитно.

– Наверное, для Чарльза не осталось незамеченным наше отношение к закускам в ресторане. Неловко вышло.

Мы с Гастоном с интересом получивших новогодние подарки малышей, принялись изучать содержимое пакетов. Пара смачных гамбургеров, картофель фри, сэндвичи с индейкой, фрукты, и напитки. Количество еды было таким, что можно было накормить не двух, а минимум четверых человек.

– Щедро. Я ж лопну, если съем это! А ты что скажешь, Гастон? Гастон, Ты слышишь? – мой друг не отвечал. Я обернулся. Он сидел, и держал в руках две коробочки. Сначала я даже не понял, что это было. Подойдя ближе, я аналогично другу застыл.

– Это то, о чём я думаю?

– Да.

– Не может быть! Я никогда раньше не держал в руках мобильный телефон.

– Я тоже. Мне казалось это непозволительной роскошью.

– Видимо Чарльз считает, что они нам нужны. – Как будто в подтверждение слов, одна из коробок вдруг завибрировала, и из неё раздался звук вызова. Гастон от неожиданности выронил коробку из рук.

– Что делать?

– Как что? Открывай коробку, нам звонят.

В руке Гастона появился блестящий мобильный телефон, в алюминиевом корпусе. Я такой видел на рекламном плакате в городе. Это была самая последняя, и дорогая модель. Адамс не скупился на подарки.

– Аллю.

– О, Гастон. Я уж думал, ещё не доехала посылка. Запишите номер, с которого я звоню. Он вам может пригодиться, да и всегда будете знать, что это я.

– Я не умею, Чарльз.

– Ничего, разберётесь. Вы ребята смыслённые. Ну, всё, мне пора, позвоню вам позже. Если вдруг что-то понадобится, теперь вам очень просто меня найти.

С телефоном мы справились быстро, как и говорил Чарльз. Нет, не так. С телефон я справился быстро. Гастон был действительно умён. Он был хорошим стратегом, у него была хорошая хватка, и талант в бизнесе.... Но общение с техникой было явно слабой стороной. Я истратил большую часть нервных клеток, чтобы научить его хотя бы просто звонить.

Впрочем, это всё было мелочью, по сравнению с тем, что мы с Гастоном вырвались из состояния перманентной кабалы. На следующее утро после чудесного кастинга, мы подписали контракт с Адамсом, и его компанией. Если честно, мы даже не ознакомились толком со сценарием, лишь мельком пробежали по страницам. Не обнаружив там чего-то непристойного, и недопустимого, мы решили не тянуть время. Я был всё ещё одним из тысяч перспективных ребят, и упустить шанс было бы непростительно.

Возможность не была потеряна, и спустя месяц, я уже активно готовился к съёмкам своего дебютного фильма. Разумеется, меня долго готовили, обучали, натаскивали. Наконец, я был готов. Съёмки начались.

Именно в то время я начал познавать настоящий мир киноиндустрии. Всё оказалось не так гладко, и приятно. Было бы всё сказочно наяву, не имело бы смысла останавливаться, и уделять этой теме столько внимания. Но ярких событий было предостаточно. И они не могли не отразиться на моём человеческом сознание.

Свой относительно долгий поход в сфере лицедейства, я начал с роли студента медицинского института. И если я бы почитал сценарий изначально как положено – вдумчиво, то вероятно не так сильно бы удивился, узнавая подробности о своём персонаже. Я и подозревать не мог, что кто-то может быть таким жестоким, и изощрённым садистом. Мой герой был обычным, как таких называют, «ботаником». Тихим, скромным, и незаметным, но при этом очень умным. Этим пользовались его сверстники, которые не только пользовались им как шпаргалкой, но постоянно унижая его, оскорбляя, и даже избивая. Он молчал, никогда не жаловался, а лишь наслаждался мыслями о милой девушке, которая всегда его жалела, и поддерживала. Она ему очень нравилась, но он стеснялся, и боялся, что она не захочет встречаться с таким как он. Вся скромность, и пугливость проходила у моего героя, стоило солнцу спуститься за горизонт. На охоту выходил зверь. Никому не было под силу укрыться, или остановить его. Он был умён, расчётлив, и до крайности безжалостен. Тихий «ботаник» умерщвлял своих жертв чрезвычайно жестокими способами. Но самое страшное было то, что он из их останков мастерил сувениры для своей возлюбленной.

Мой персонаж был ужасен, но он был лишь вымышленным героем. Чего нельзя сказать о людях, с кем мне пришлось работать. Эти личности заслуживают отдельной остановки, и приведения нескольких примеров.

– Камилла! Что опять случилось? – режиссёр, в очередной раз остановил съёмку, но теперь уже не смог сидеть на месте, и вскочил на ноги, бросив кепку на землю.

– Что случилось?! Ты ещё спрашиваешь Пол? По-моему, всё предельно ясно!

– Что мне должно быть ясно? То тебе свет в глаза бьёт, то тебе жарко, то ты проголодалась... На этот раз-то что случилось? – голос режиссёра вот-вот должен был перейти на умоляющий, но держался.

– Пол, ты меня разочаровываешь! На меня будут смотреть миллионы глаз, и я не могу появляться в кадре с такими страшными ногтями! Где Флора?!

– Тьфу-ты! Какие ногти, Камилла? На тебя маньяк напал, кто будет смотреть на качество маникюра?! Не морочь мне голову, и продолжай.

– Нет! Пока я не выпью кофе, и мне не поправят ногти, я пальцем не пошевелю!

– Камилла... Мы работаем всего два часа сегодня, а ты четыре раза останавливала съёмку. То у тебя ресница отклеилась, то тебе в дамскую комнату нужно! Ты решила испытать моё терпение? Так вот, знай, у тебя ничего не выйдет! И не с такими работал.

– Мне плевать с кем, и где ты работал. Я хочу поправить ногти. Если мои подруги увидят вот «ЭТО» на большом экране – засмеют. Тащите сюда Флору.

– Да откуда же я тебе её вытащу? Ты же знаешь, что у неё мать умерла, домой она уехала!

– Подумаешь, большое дело! Отправьте шофёра за ней. Скажите, что мать точно уже никуда не сбежит, а мне она тут очень нужна. Она прислуга или как?! Она должна выполнять все прихоти хозяев!

– Простите, мисс Спенсер... Мне кажется, что не стоит произносить такие слова. Они могут кого-то задеть. – Говорила мне мама не встречать, куда не следует, так нет, я же упрямый.

– Что?! Кто это там протявкали? Ты?! Ты вообще кто такой? Посредственный актёришка, попавший сюда каким-то чудным образом. Ты даже мизинца моего таланта не стоишь. Стой молча, пока взрослые разговаривают...

Пересказывать все «приятности» которые в порыве неоправданного гнева вылила на меня «звезда» несколько болезненно для моего мужского эго. Было унижено моё достоинство, не только как мужчины, но актёра, и вообще человека. Некоторых слов не знал даже

заядлый пьяница сантехник, а они сыпались из пухлых губ, прелестной барышни. Я стоял, как будто в рот воды набрал, и не мог вставить ни единой фразы в свою защиту. Вся съёмочная команда откровенно потешалась надо мной, даже не пытаясь скрыть взгляды презрения к моей наивности. Они-то явно привыкли к подобным «закидонам» состоявшихся актрис, и им было смешно смотреть на новичка.

– Нет, ты послушай меня, Гастон! Я так не могу. Я не могу работать в такой атмосфере. Каждый, с кем я сталкивался за время работы, пропитан злобой, ненавистью, крайней степенью цинизма. . . . И это только на первый взгляд. Они норовят при любом удобном случае поиздеваться над тем, кто не может дать отпор. Это ужасно. Лучше мы будем пытаться добиться всего сами.

– Седрик, не горячись ты так! Я тебя не осуждаю. Понимаю твои чувства. Я, как твой агент тоже часто бываю в местах съёмок, и в компаниях жутких людей. Если бы я не сдерживался, то набросился бы на кого-нибудь, а потом сам себя задушил. Но я терплю. Ради нашей с тобой общей цели. И ты должен терпеть.

– Я не могу. Меня мучают постоянные головные боли. Они все справляются с этим при помощи алкоголя, антидепрессантов, и прочей химии, но я не желаю терять здравый рассудок. Нельзя. И как мне быть?

– Седрик! Дорогой мой друг! Потерпи. Возьми пару выходных. Поедем куда-нибудь развеемся? Только не бросай всё! Тебе остался последний шаг, трудный, но короткий. Сделаешь его, и по условиям контракта, получишь всю сумму. С такими деньгами мы сможем осуществить мечту: привезти родителей, купить жильё, и основать свой благотворительный фонд. Мы сделаем то, к чему идём много лет, Седрик. Не бросай всё.

– Гастон. . . . Как я счастлив, что ты рядом со мной, Гастон.

Мой друг был последним рубежом перед моим побегом из мира кино. Он всегда отговаривал меня от необдуманных действий, и поспешных решений. Был не просто моим агентом, но и человеком, способным снять стресс, выслушать, и помочь найти в себе силы. Только благодаря ему я пересилил себя, и закончил работу над своим первым фильмом.

И вот, только когда мой счёт пополнился, я стал свободным в решениях, и действиях, я понял, какой огромный подарок от судьбы получил. Долгими, нудными уговорами, нам удалось перевезти свои семьи на новое место. Мы приобрели большой дом в тихом пригороде, и все вместе поселились там. Но самое важно, что мы в действительности организовали благотворительный фонд. Назвали его «Сохраним всех». Мы купили помещение, в котором обустроили офис. Оформили все документы, распланировали предварительную программу действий на ближайшее время, но потом с сожалением поняли, что вырученных от фильма средств вряд ли хватит на долгое существование. Мне посыпались весьма заманчивые предложения, на которые я первое время отвечал тактичным отказом, и надеялся, что удастся привлечь спонсоров в наш проект. Да, мой фильм не провалился в прокате, и даже вышел в лидеры по сборам. Вот только я с этого ничего имел. Мне полагался лишь разовый гонорар, и никаких процентов. Когда стало ясно, что, не смотря на обилие более чем обеспеченных людей в новом кругу знакомых, нам не удастся собрать хоть какую-то приличную сумму, я задумался. Раздумья были не долгими, тем более мне как всегда на помощь пришёл «второй мозг», Гастон. Совместно мы рассмотрели все поступившие предложения. Не забыли, конечно, узнать мнение Чарльза, ставшего нам своего рода наставником. Выбор был сделан. И был он правильный. Совсем другая команда, другие коллеги по съёмочной площадке, и другой жанр. Возможно все эти факторы, возможно, осознание необходимости работать, но мне не было уже настолько тошно играть на камеру. Не сказать, что люди были добрыми, и работать с ними было легко, но не было желания всё бросить и сбежать.

Моя карьера шла в гору. Гонорары росли, и к ним добавлялись бонусы. Благотворительный фонд развивался. Помимо этого мы развернули сеть общественного питания эконом

класса, которая за счёт низких цен, и сносного качества, делал приличные обороты, с которых мы получали весомые прибавки к жалованью. Естественно у меня, как и у Гастона, не выходило уделять много времени непосредственно благотворительным акциям. Мы лишь выступали спонсорами. Руководством же основных направлений занимались два человека, которым мы могли доверять – мой отец, и мистер Эрман Альберман, которого посоветовал нам всё тот же Чарльз Адамс. Всё функционировало в целом хорошо, и для этой истории, может быть, и не нашлось бы повода.... Но человеческим слабостям подвержен каждый. Не стал исключением и я. Именно благодаря, или по вине того, что я начал меняться не в лучшую сторону, история получила неожиданный, и опасный поворот.

С момента моего случайного кастинга прошло почти семь лет. Я был знаменит, богат, и.... глуп. Я не только женился, мягко говоря, на не самой порядочной девушке, но и сам стал во многом похож на неё. К счастью, Гастон, и в этой ситуации остался прежним здравомыслящим юношей, с огромным сердцем.

– Седрик! Ты опять напился? – догадаться было не сложно. Я ввалился в квартиру, в которой мы жили в то время, когда проходили съёмки.

– И? Тебе-то какое дело, Гастон? Надумал мне нотации читать? Так вот, знай, ты мне не начальник! И вообще, не называй меня Седрик. Желаю, чтобы меня звали Себастьян!

– Посмотри на себя! В кого ты превращаешься?

– Ты на себя посмотри! Ты вообще лишь прислуга, а ну пошёл вон отсюда, и не мешай мне с мужем наслаждаться жизнью.

– Закрой рот, Камилла. С тобой вообще никто не разговаривает. Иди в свою комнату, и сиди там, пока я не передумал, и не прекратил поиски хоть какого-то работодателя для тебя! – Да, всё верно. Я каким-то чудным образом женился на той самой Камилле, с которой снимался в своей первой киноленте. Стучилось это всего несколько месяцев назад, именно в тот момент, когда «звёздная болезнь» особенно сильно ударила мне в голову. Камилла к тому времени из-за своего скверного характера потеряла все контракты, и никто не желал с ней работать. Тогда-то она и вспомнила про молодого, и перспективного.... Меня.

– Да как ты смеешь, так говорить с моей принцессой! Ну-ка извинись, или пожалеешь! Камилла, дорогая, иди спать, я скоро приду! – я с трудом стоял в холле, и уперев руки в бока, осуждающе смотрел на своего друга.

– Дорогой друг, что же с тобой твориться? Ты же не был таким. Я знаю тебя совсем другого.

– Нет того слабака больше! Теперь есть я! Тот, кто берёт от жизни всё. Я устал пахать сутками, и быть примерным мальчиком. Я хочу пожить для себя.

– Седрик, мы же не этого хотели! Никто не мешает нам радоваться жизни, но не забывай, зачем всё это было.

– Я Себастьян!

– Хорошо, Себастьян. Слушай меня внимательно, и запоминай. Когда ты проспиться, и выпустишь вновь на волю Седрика, мы с тобой хорошенько побеседуем. И поверь, разговор этот будет очень долгий.

– Вот уж нет, спасибо на добром слове. Пожалуй, ради такого, я и трезветь не буду. Хватит с меня твоего морализаторства! Я возвращаюсь в бар. Скажи Камилле, чтобы не теряла меня. – Я уже собрался покинуть квартиру, но Гастон схватил меня за шиворот, и что есть силы, швырнул в гостиную. Моё состояние было такого, что упав однажды, я уже не смог подняться. Кроватью в эту ночь для меня послужил мягкий коврик, у кофейного столика.

– Выспался?

– Ты издеваешься? Ты что специально сидел около меня всю ночь, чтобы начать пилить меня с самого утра?

– Нет, зачем? Это же глупо. Я ушёл спокойно спать. Выспался, позавтракал, поплавал в бассейне. Успел провести видеоконференцию. В общем, сделал много всего полезного, пока ты валялся как комнатная собачка под столом.

– Медаль тебе за это! Уйди с дороги.... – Я с трудом поднялся на ноги, и не желая выслушивать очередную порцию нравоучений, направился к холодильнику, за чем-нибудь холодным. Желательно алкогольным. Но пройти мимо Гастона я не смог. Он, не прикладывая особых усилий, левой рукой толкнул меня на диван.

– Сядь!

– Не смей меня трогать!

– А ты помешай мне. – С этими словами Гастон влепил мне смачную пощёчину.

– Да как.... Да ты.... Ты работаешь на меня! – я подскочил, окончательно протрезвев от жгучей боли. Бросился в сторону Гастона.... Но опять был отброшен в сторону. Теперь уже правой рукой он оттолкнул меня так, что перевалился через спинку дивана, и рухнул на пол.

– Да, работаю, пока ещё. Но если ты не возьмёшься за ум, придёт конец не только нашему сотрудничеству, Седрик.

– Плевать! Ты изменился. Ты не тот друг, которым был раньше. Ты меня не понимаешь. У меня-то всё под контролем, а ты, дорвавшись до власти, тиранишь меня без повода!

– У тебя хватает совести такое говорить? Я изменился? Да, ты прав. Я изменился, только вот совсем в иную сторону, нежели ты. Я стал серьёзней, умней, и сильнее. А ты.... Ты стал слабовольным, ленивым, зазнавшимся алкоголиком. Да к тому же ещё и подкаблучником. Исполняешь все прихоти этой потаскухи. Разве о такой жизни ты мечтал?

– Не лезь в мою жизнь. Я плачу тебе, плачу в фонд, всем плачу из своего кармана. Разве этого мало? Скажи мне, Гастон, этого не достаточно, для того чтобы от меня отстали, и позволили жить так, как я хочу?

– Не всё можно измерить в деньгах, Седрик. Мало, много. Это не важно. Деньги не решающий фактор....

– Слушать не желаю твоё брюзжание. Я хочу сменить агента. Подготовь документы. Я всё подпишу.

– Подпишешь, не волнуясь, обязательно подпишешь. Только сначала я выбью из тебя эту дурь! Посмотри во что ты превращаешься, Седрик! – Гастон вновь одарил меня звонким шлепком по лицу, и всучил мне в руки зеркало с каминной полки.

– Ты.... Ты не знаешь, с кем связался. Я тебя засужу. Я лишу тебя всего, чего ты добился за мой счёт. Не желаю тебя больше видеть. Проваливай!

– Хорошо. Я уйду, Седрик. Но прежде чем я покину эту квартиру, выслушай меня ещё один раз. Я расскажу тебе твою дальнейшую судьбу. Поверь, я не отниму много времени, ведь если ты не одумаешься, то история будет очень коротка. В постоянных загулах со своей «принцессой» ты потратишь всё, что заработал с огромным трудом очень быстро. Я не удивлюсь, если Камилла окажется даже умнее чем ты, и разведётся с тобой раньше банкротства. Она останется с деньгами, и будет жить припеваючи. А ты? Ты придёшь пару раз на съёмки в таком виде, и всё. Работа в хороших проектах для тебя будет заказана. Затем любые проекты будут для тебя закрыты. Ты будешь пить, затем принимать наркотики. И скоро, скорее, чем ты думаешь, ты будешь побираться на помойках вместе с теми, для кого мы вообще старались пробиться на вершину. Ты станешь лишь ещё одной звездой, упавшей с небосвода по собственной глупости. Тогда ты приползёшь ко мне с мольбой о помощи. Только помогу ли я? Это очень большой вопрос.

Хлопнула дверь, и я остался совсем один, в полной тишине. Я посмотрел в зеркало. То, что я в нём увидел было действительно ужасно. Некогда молодой, крепкий парень, превратился в небритого, осунувшегося, и набравшего лишней вес старика, с гигантскими мешками под глазами. Это был я, но не тот, который в старые времена легко подхватывал Гастона, и скиды-

вал в бассейн, а тот, который не мог без отдышки подняться несколько лестничных пролётов. Меня разрывала на части злоба. Я судорожно пытался понять, на что, или на кого именно я злюсь. Ответа я не находил. Вернее подсознательно не хотел его обнаружить. Ведь винить я мог разве что себя самого. Свою слабость, невозможность противостоять грязным желаниям. Я был не готов признаться самому себе, что скатываясь по наклонной. А значит, я не мог сделать первый шаг – осознать проблему. Я просто злился, и ничего не мог поделать с этой злобой. Мне нужно было её срочно заглушить.

– Милый. Ты уже встал? А где мой кофе? Неужели ты его не сделал? – вывалившаяся из комнаты Камилла не доставила облегчения, совсем даже наоборот.

– Тебе не кажется, что сейчас не лучшее время, чтобы требовать от меня кофе?

– Это ещё что за новости? Ты же знаешь, что я не могу начинать день без чашки крепкого кофе? Не можешь сделать сам, отведи меня в ресторан. Или тебе для меня и это будет сделать сложно? Ну, смотри сам тогда. Когда тебя вечером будут спрашивать, что за пугало рядом с тобой, когда мы придём на празднование в клуб, не удивляйся. Пока я не взбодрюсь, я не смогу привести себя в порядок. А ты знаешь, сколько времени мне нужно!

– Одевайся!

– Вот! Это уже другой разговор. Жди, я скоро.

Моя супруга удалилась вновь в комнату. А я всё так же сидел на полу с зеркалом в руках. Молча, не двигаясь, сидел и смотрел в свои же глаза. Я не видел в них себя. Озорной огонёк энтузиазма угас. Взгляд был мутным, и потерявшим смысл. Глаза были пустыми, чёрными, и очень усталыми. Зеркало моей души потрескалось, и вот-вот должно было разлететься на миллионы частиц.

Я был слеп, и не распознавал очевидных фактов. Жена меня не любила, а лишь использовала. Окружающие люди постепенно переходили из стана фанатов, в когорту тех, кому просто интересно наблюдать за рушащейся жизнью. Да и сам я, откровенно говоря, был хорош – не видел способа вернуть руководство судьбой в свои руки. Лучшим, что пришло мне в голову, был поход в ресторан с супругой. Она стала мне до боли ненавистна, но я не мог так просто разорвать отношения. Я не желал терять заработанные деньги. В качестве панацеи, от компании человека, которого терпеть не могу, выступал алкоголь. Сперва это был бокал вина, для снятия стресса. Но эффект от него быстро проходил, и мне пришлось переключить внимание на более крепкие напитки, норма которых так же неумолимо росла.

– Тебе не кажется, что тебе не стоит так налегать на бутылку? Кто же пьёт бурбон так рано? Это моветон! Не позорь меня, Себастьян, выпей вина лучше.

– Не вижу причин для паники, и тем более для отказа от стакана-другого!

– Себастьян! Я тебя прошу не позорить меня. Тебе этого мало?

– Много. Поэтому и пью.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты всё время меня о чём-то просишь, и ничего не даёшь взамен! Когда мы последний раз занимались сексом?

– Не поняла! Что это ещё за разговоры? Ты хочешь обвинить меня в меркантильности? Да как ты смеешь?! Я терплю от тебя все выходки, и получаю за это лишь скромное вознаграждение. К тому же, я не обязана улаживать тебя по первому зову. Я твоя законная супруга, но это не делает меня рабыней.

– К сожалению....

– Что?! Ты просто не в себе! Тебе нужно проспать, и тогда ты всё осознаешь. Жду не дождусь, когда ты приползёшь извиняться с очередным кольцом.

– Да что же вам так всем приспичило, чтобы я приполз с извинениями?! Фетиш что ли новый?

– Кому это «всем»? У тебя есть ещё кто-то?

– Будто бы у тебя нет?
– Я женщина вольная! И не обязана отчитываться.
– Кто бы сомневался. А у меня вот никого нет, я про Гастона говорил.
– У меня тоже нет. Это я гипотетически, чтобы тебя позлить.
– Ну-ну. Ты и без подобных фраз меня злишь.
– Не беси меня в начале дня, Себастьян. Придём домой, я тебе устрою такое шоу, что мало не покажется.

– Устраивай. Только знай – у твоего «шоу» не будет главного зрителя.
– В каком смысле?
– В самом что ни на есть прямом!
– Не поняла! Ты что, уходишь от меня?
– Нет уж милая, я никуда не пойду.
– ?
– Пошла-ка ты вон из моей жизни, кровопийца ненасытная. Ты во всём виновата! Ты отравляешь мою и так не сладкую жизнь. Убирайся, пока я её держу себя в руках! Вон! – не знаю, то ли ей не повезло быть в тот момент рядом со мной, то ли я действительно что-то осознал, но именно Камилла была признана мной виновной во всём. Все расплывчатые рассуждения затуманенного разума заставляли меня ополчиться против жены. Я с трудом сдерживался от того, чтобы не выплеснуть содержимое стакана ей в лицо. Она, по всей видимости, понимая всю серьёзность ситуации, спешно ретировалась. Испуганные глаза, багряное лицо, и неловкие движения выдавали её страх. Мне это нравилось, так же как и то, что это произошло в довольно людном месте. Шаг был сделан, и пути к отступлению отрезаны. Общественность стала невольным свидетелем нашего разрыва. Я был ещё более-менее трезв, и вряд ли кто-то мог списать это представление на моё состояние.

Камилла, даже не повернувшись более в мою сторону, ушла. Я остался за столом один, и как ни в чём ни бывало, закончил поздний завтрак. Люди вокруг тихонько переговаривались, и без усталости набирали текст на своих гаджетах. Я был рад, что информация уйдёт в массы так быстро. Изначально я боялся, что передумаю, и буду просить её прощения. Но создался такой ажиотаж, что отступление было хуже проигрыша.

– Допился? Я всё понимаю, но устраивать подобные представления на глазах у десятков уважаемых людей – это слишком. – Не успел я вернуться в квартиру, в слегка приподнятом расположении духа, как он снова рухнул.

– Ты ещё здесь? Я же сказал, чтобы ты убиралась из моего дома!
– Пошутили, и хватит, Себастьян! Хочешь секса? Пожалуйста, идём в спальню. Хочешь выпить? Вот, пожалуйста, твой любимый бурбон. Что тебе ещё нужно? – Камилла одной рукой распахнула шёлковый халат, обнажив слегка потрёпанное, но всё ещё аппетитное тело, а другой протянула мне стакан с золотисто-коричневым содержимым.

– Мне нужно, чтобы ты оставила меня в покое, и позволила вернуть жизнь в прежнее русло. Чтобы ты вернула жизнь мне. Я больше не желаю быть узником твоих желаний. Похорошему прошу – уходи сейчас же!

– Из-за своих параноидальных мыслей, ты готов разрушить наш брак? Ах, нет! Как я сразу не поняла. Это Гастон тебя надоумил! Мелкий паразит. Я сотру его в порошок.

– Не смей приплетать сюда Гастона. Он единственный, кто играет честно. Говорит, что думает. И если он говорит, что я опускаюсь на дно, значит, так и есть. Мне нужно избавиться от балласта, Камилла. К сожалению, это ты... И алкоголь! – я ходил вокруг полуобнажённой женщины, и угрожающе шептал. Я действительно был похож на человека, у которого плавно «поехала крыша». Договорив, я со всего маху тыльной стороной ладони выбил стакан из рук Камиллы. Она даже не успела вскрикнуть. Раздался звон хрусталя, и на стене осталось мокрое воспоминание на будущее.

– Значит, так ты решил всё закончить? Хм, жаль. Я, конечно, догадывалась, что ты не большого ума... Но настолько? Отдаю тебе должное, ты меня удивил. Мог бы обойтись малой кровью, покрывая мои, скажем прямо, почти скромные запросы. Но нет, ты выбрал другой вариант – проигрышный. Теперь ты от меня так просто не отделаешься...

– Слушай, Камилла, оставь меня одного. Разведёмся, получишь свои деньги, и катись, куда душе угодно. А я вернусь к тому, ради чего вообще согласился на такую работу.

– Нет, уж, Седрик Санчес. Я не доставлю тебе такого удовольствия. Мирно я не уйду. Пока я не получу все твои деньги, и имущество, я не преподнесу тебе последний подарок. А покой тебе будет только снится... В тюрьме!

Далее события развивались совсем не так, как я планировал. Я и подумать не могу, что она пойдёт на такой шаг. Камилла под мой вопросительный взгляд, схватила хрустальный графин, из которого только что наливала мне. Её рука сделала со свистом дугу. Звон, вскрик, плеск, и глухой удар об пол. По комнате разнёсся насыщенный аромат дорогого алкоголя, а я стоял весь обрызганный, и не мог сообразить, что же всё-таки произошло.

Камилла лежала на полу, не подавая признаков жизни. Из раны на её голове текла кровь, и смешивалась с остатками алкоголя. Повсюду валялись осколки. Время будто остановилось. Я просто стоял, не решаясь что-то предпринять. Нужно было помочь, но внутренний искуситель твердил, что если она умрёт, будет гораздо проще избавиться от тела. Если же она выживет, то обвинит меня в покушении.

– И что? Вот так просто закончится моя сказка? Нет, этому не бывать. На себя такой груз вины я не собираюсь брать. А дальше? Дальше будем верить в справедливость.

Я набрал номер экстренной службы, и вызвал скорую помощь. Естественно вместе с ними должна была приехать полиция, и мне нужна была хоть какая-то поддержка. Выбора у меня не было, я набрал номер своего лучшего друга.

– Я надеюсь, ты не надумал в пьяном угаре мне что-то выговаривать? – по количеству гудков я понял, что Гастон колебался, прежде чем ответить на звонок.

– У меня проблемы, Гастон! Мне нужна помощь.

– Да, я знаю, что у тебя проблемы! Наконец, и до тебя это дошло. Не прошло и... Стоп. Нет, год как раз и прошёл.

– Прошу тебя, поиздевайся позже, а сейчас срочно приезжай. Дело очень серьёзное.

– Еду!

Ещё один огромный плюс у моего друга – умение в нужной ситуации, вести себя подобающе. Какой бы я не был свиньёй, что бы ни происходило, он сначала поможет, а уже после вытрясет всю душу. С чувством, с мыслью, с расстановкой, но будет наказание лишь когда ситуация разрешится. Меня такой вариант устраивал полностью, так как выслушивать высокоморальные речи я был просто не в состоянии.

Пока я раздумывал о своём туманном будущем, я пытался помочь Камилле, а именно – остановить кровь. Я намочил полотенце, и попытался зажать глубокую рану. Сработало не как шов хирурга, но всё же кровопотеря снизилась. Помогли ли мои действия, не знаю, но Камилла застонала. Это значило, что она жива, что меня обрадовало, и расстроило одновременно. Через несколько минут подоспели медики, и принялись ввозиться над пострадавшей. Лишних вопросов они не задавали, но по их взгляду я понял, что от допроса их коллегами я не уйду. Опасения подтвердились. Следом за скорой помощью приехали полицейские, и с порога взяли меня в оборот. Основная версия, которую они пытались подтвердить – бытовая ссора выпивших супругов привела к потасовке. Меня такой вариант не устраивал, но под давлением стресса, и полицейских, я не мог, как следует постоять за себя. К счастью, Гастон явился как раз вовремя. Юридическое образование, полученное за три года до этих событий, оказалось как раз кстати. Служители закона довольно быстро были поставлены на место, и уже не выглядели

столь уверенными в себе. Осознав, что у них не получится нахрапом решить дело, они решили пойти другим путём.

– Мистер Санчес, поймите правильно, если вы признаете вину, это серьёзно смягчит обвинения в ваш адрес. Выпили, поругались, нервы не выдержали. Ну, с кем не бывает? Получите мягкое наказание, мы не будем в волокиту ввязываться....

– Что вы себе позволяете, офицер? Вы вообще настоящий полицейский? Какое наказание? Где доказательства, что это сделал мистер Санчес? Будь по-вашему, вы бы на первого встречного все преступления повесили, лишь бы не работать.

– Мистер Веласкес, не перегибайте палку, иначе мы можем и вас привлечь за неуважение к представителям власти.

– Попробуйте, офицер. Вот он я, привлекайте. Только вот знайте, я засужу потом вас, и всё ваше управление. Ваш годовой бюджет плавно переключается на мой счёт в качестве компенсации.

На счастье, взаимные угрозы на этом прекратились, в целях недопущения негативного развития событий. Камиллу увезли в больницу, а приехавшие эксперты принялись изучать «место преступления». К моему опросу подошли, конечно, со всей тщательностью. Естественно я рассказал всю историю так, как она была на самом деле. За собой вины я не видел.

– То есть, вы хотите сказать, что всё-таки ударили жену?

– Вы вообще слушаете? Я сказал, что выбил из её рук стакан, который она мне давала. Ей было на руку меня спаивать.

– Хм, очень интересно. Удар по рукам значит признаёте.

– Что?! Кто вас вообще сюда прислал? Слушайте внимательно «Я ВЫБИЛ СТАКАН», даже пальцем не задев её рук. – Естественно я понимал, что признавая хотя бы один удар, неважно по какой части тела, я признавался в домашнем насилии. Это было не так, я никогда не поднимал на Камиллу руку.

– Хорошо, хорошо, мистер Санчес. Не стоит так волноваться, я лишь уточняю.

– Камиллу я не трогал, так и пишете.

– Получается, она сама ударила себя бутылкой с такой силой, что сосуд разлетелся на осколки? Она вроде хрупкая женщина....

– Хрупкая-то, хрупкая, только вот вы, наверное, в курсе какой может быть женщина в гневе, и отчаянии?

– Довелось быть свидетелем таких событий. Но с чего вы взяли, что она была в подобном состоянии? Причин для этого я не вижу. Шикарная жизнь, хороший муж.

– Я сказал ей, что развожусь с ней, и попросил покинуть моё жильё. – Больше всего мне запомнился взгляд Гастона в тот момент. Это был взгляд тренера команды аутсайдера, которая совершенно неожиданно выиграла крупный турнир.

– Развод? Хм. Это, конечно, повод для истерики. Но всё же не уверен, что женщина сама себе может нанести столь серьёзную травму.

– Послушайте, офицер. Я считаю, что за любым преступлением, должно следовать заслуженное наказание. В это фразе ключевое слово, заслуженное. Я всегда отвечаю за свои поступки сам, но....

– Мистер Санчес. Простите, что перебил, но я не хочу слышать подобный бред. Знаете, сколько раз я такое слышал, и видел? Сколько людей мне говорило, что они не виновны, а когда доказательства становились неопровержимыми, они просто молчали. Тихо посмеиваясь надо мной. Может когда-то, в незапамятные времена, я бы поверил в честность, но не сейчас. С вашего позволения, я задам ещё несколько вопросов, а вы постарайтесь не ухудшить ещё больше мнение о себе.

Офицер, безусловно, в чём-то прав. Честность, к сожалению, нынче совсем не в цене. О чём говорить, если пришедшая в себя Камилла, без сомнения, начнёт обвинять меня в том,

что я обрушил на неё свой неоправданный гнев. Поэтому я молча согласился с полицейским, и продолжил отвечать на вопросы. Гастон молчал. Просто сидел, и смотрел в открытую дверь, ведущую на балкон. Неожиданно, он резко встал, и ничего не сказав, вышел из квартиры. Я очень удивился, но стал останавливать его – он всегда знает, что делает. Через несколько минут вопросы офицера кончились, и осталось дожидаться, когда эксперты соберут все необходимые улики.

Не смотря на то, что я был уверен в своей невиновности, я сильно нервничал. Дополнительное волнение вызывало долгое отсутствие Гастона. Я понятия не имел, что он замышляет.

– Уф, успели. Я боялся, что опоздаем. – Наконец в дверях появился Гастон, в сопровождении незнакомого мне мужчины.

– Мистер Веласкес, кто это?

– Офицер, это Роджер Пак. Он живёт в доме напротив. И у него есть что сказать. Уделите нам пару минут, и я надеюсь, всё встанет на свои места.

– Хорошо. Слушаю вас, мистер Пак.

– Я... Это... Ну...

– У вас есть, что сказать?

– Да, да, простите. Мне неловко говорить, если честно. – Пожилой, увешанный золотыми украшениями мужчина по какой-то причине искоса поглядывал на меня. Я был, как и офицер, в замешательстве.

– Сейчас не время для стеснения, Роджер. Моего друга хотят обвинить в тяжком преступлении, и нам нужна ваша помощь.

– Простите, ещё раз. Я всё понимаю. Так вот, я старый, и живу в квартире своего сына, в доме напротив. Мы с женой давно развелись, и мне бывает очень одиноко. Если вы понимаете, о чём я!

– Совсем не понимаю. Давайте ближе к делу, мистер Пак.

– Конечно. Повторюсь, я старый. С деньгами у меня не густо, поэтому оплатить компанию приятной девушки я не могу. Впрочем, как и платный канал для взрослых... А там показывали такие прелестные фильмы... Ой, простите, я немного отвлёкся. Я раньше покупал журналы, с пикантными картинками, и потом...

– Мистер Пак! Прекратите посвящать нас в свою личную жизнь, нам и без неё хватает «радостей». Давайте по существу.

– Так я и веду к самому главному. Картинки, конечно, хорошо. Но вы же понимаете, что они не двигаются, и быстро надоедают. И вот в один прекрасный для меня день, я увидел в окне напротив... – Пак резко прервал рассказ, и испуганно посмотрел на меня.

– Что вы увидели? Говорите.

– Встаньте, пожалуйста, между нами, офицер.

– Ничего не понимаю. – Не смотря на недопонимание ситуации, офицер встал между мной, и пожилым человеком. Только тогда его лицо успокоилось, и он продолжил рассказ.

– Я увидел непередаваемой красоты девушку. Она была в нижнем белье, и томно потягивалась после крепкого сна. Бельё было очень откровенным, кружевным. У меня внутри всё затряслось от возбуждения.

– Погодите, так тут же далёкое расстояние? Не желаю вас обидеть, но как вы в таком возрасте сохранили идеальное зрение?

– На этот случай, к счастью, я любил раньше охоту, и у меня остался бинокль.

– О-о-о... Что получается, я был как в аквариуме всё это время? Я же шторы даже не закрывал, будучи уверенным в том, что никто не подглядывает.

– Седрик! Не перебивай рассказ человека. Видишь, он и так волнуется. – Одёрнул меня Гастон, и многозначительно подмигнул.

– Не поймите меня неправильно, Седрик. Я просто одинокий, старый человек. Я не хотел ничего плохого. Просто сделать чуточку ярче остатки своих дней. Кстати, можете не переживать, на вас я не смотрел.

– Да уж, утешение... – Только я хотел возмутиться, как получил удар локтем в рёбра.

– И вот сегодня, я как обычно ждал появления моей музы. Дождлся. Она была, как и всегда, великолепна. Но тут, что-то пошло не так. Она начала ругаться с этим человеком, которого зовут Седрик. Я хотел оторваться, чтобы не лезть в чужую жизнь. Но прелестница как на зло распахнула лёгкий халатик. Я просто не мог пропустить такое. Дальнейшие события я не могу описывать без слёз. Моя муза в порыве гнева зачем-то схватила графин, и со всего маху ударила себя по голове. Я очень испугался, и прекратил своё развлечение. Мне было так тяжело видеть, как настолько потрясающая женщина лежит в крови. Я лишь пару раз ещё взглянул, чтобы убедиться в том, что она жива.

– Вы уверены, что видели, как женщина бьёт себя сама?

– Я вас умоляю! У меня такой бинокль, что я волоски на её теле мог разглядеть.

– Хорошо. – Офицер всё подробно зафиксировал в блокноте, и задал ещё несколько навязчивых вопросов мистеру Паку. Затем он попросил меня не покидать город пока не будет завершено расследование, и даже не извинившись, откланялся. Следом за ним в скором времени покинули квартиру эксперты.

Как только я почувствовал себя в относительно безопасности, я тяжело выдохнул, и плюхнулся на диван. Моё тело на фоне стрессовой ситуации пробил озноб. Гастон сел рядом, и успокаивающе похлопал по плечу. Какое-то время мы посидели в тишине, которую нарушил неожиданный спаситель.

– Кхм!

– Ой, мистер Пак, извините. Такая ситуация неприятная, дух нужно было перевести.

– Плевать. Где мой гонорар?

– Вот, пожалуйста! – Гастон поспешно достал чековую книжку, и выписал сумму, от которой у меня невольно округлились глаза – сто тысяч.

– Так-то лучше. Обращайтесь. И не задёргивайте шторы, это может вас спасти. Ха-ха-ха! – пожилой мужчина отвратительно рассмеялся, и покинул квартиру, громко хлопнув дверью.

– Как ты мог? Ты, что на самом деле не веришь в мою невиновность?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.